

Пять дней

Автор:

Дуглас Кеннеди

Пять дней

Дуглас Кеннеди

Глубокая динамичная история, способная вызвать слезы на глазах и заставляющая задуматься о выборе, который делает в жизни каждый.

Лаура – рентгенолог в небольшой больнице на побережье штата Мэн. На работе она добилась блестящих результатов, а вот в семье... Ее двадцатилетний брак давно идет ко дну.

Однажды она едет на конференцию в Бостон и знакомится там с Ричардом Коулманом, страховым агентом. Неожиданно для себя Лаура понимает, что ей очень нравится этот подвижный и удивительно начитанный человек. Два одиноких сердца встречаются в чужом городе... Два отчаявшихся человека соединяются, но страшатся последствий...

«Пять дней» – это великолепный роман о многочисленных противоречиях человеческого сердца и о том, что каждый наш поступок в итоге имеет значение.

Дуглас Кеннеди

Пять дней

FIVE DAYS

Copyright © Douglas Kennedy, 2013

© Перевод. И. П. Новоселецкая, 2015

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление, ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

This edition is published by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd. and The Van Lear Agency LLC

* * *

Посвящается Кристине

«Надежда окрыленно

Давно во мне живет.

Беспечно, просветленно

На жердочке поет»[1 - В переводе Сергея Долгова].

Эмили Дикинсон

Четверг

Глава 1

Раковую опухоль я увидела сразу. Она бросалась в глаза. Как всегда, я резко втянула в себя воздух, сознавая, что это – начало конца.

Опухоль имела форму одуванчика. Порой новообразования такого типа похожи на недорогие рождественские украшения – на дешевую звездочку с неровными краями. Эта напоминала цветок с облетевшими лепестками и отличалась коварным игольчатым строением – «спикулярной структурой», как выражались рентгенологи.

Спикулярный. Впервые услышав это слово, я полезла в словарь и выяснила, что происхождение у него зоологическое: спикула – это мелкий игловидный структурный элемент скелета некоторых беспозвоночных, в частности губок (я и не подозревала, что у губки есть скелет). Однако понятие «спикула» присутствовало еще и в астрономии, и означало оно недолговечный копьеобразный столб горячего газа, выбрасываемый из хромосферы в солнечную корону.

Это последнее определение неделями не давало мне покоя. Слишком уж точно оно отражало суть заболевания. Бывает, что спикулярная раковая опухоль – как та, на которую я сейчас смотрела, – существует многие годы, десятки лет. Но, едва возникнув, она становится подобна вспышке пламени, которое сжигает все на своем пути, требуя к себе полного внимания. Если пламя не заметить и не погасить на ранней стадии, оно возомнит себя не просто огненной струей, а сверхновой мини-звездой, которая, демонстрируя напоследок свою пиротехническую мощь, разрушает вселенную, ее приютившую.

Вне сомнения, все шло к тому, что спикулярная опухоль, на которую я смотрела, вскоре должна взорваться – и, взорвавшись, она уничтожит человека, в легком которого закрепилась.

Еще один ужас в бездонной копилке ужасов, наполнявших мои рабочие будни с девяти до пяти.

И нынешний день обещал быть непростым. За час до того, как передо мной на экране возникла эта спикулярная раковая опухоль, я делала КТ девятилетней девочке по имени Джессика Уорд. Согласно истории болезни, она страдала парализующими головными болями. Врач, наблюдавший девочку, направил ее к нам, чтобы исключить «проблемы неврологического характера» – «опухоль

головного мозга», на языке врачей. Отец девочки – его звали Чак, – тихий жалкий мужчина тридцати пяти – тридцати шести лет с грустными глазами и желтыми зубами, свидетельствовавшими о его пристрастии к курению, сказал, что работает сварщиком на судостроительном заводе в Бате.

– Мама Джесси ушла от нас два года назад, – сообщил он мне, пока его дочь переодевалась в больничную сорочку в специальном помещении рядом с рентген-кабинетом.

– Умерла? – уточнила я.

– Если бы. Эта стерва – простите, что выражаюсь, – сбежала с парнем, с которым работала в аптеке «Райт эйд» в Брансуике. Они живут в каком-то трейлере в Бестине. Это на Флоридском «отростке». Знаете, как там называют это место? Ривьера для деревенщин. Это мне приятель один сказал. У Джесси головные боли начались после того, как ее мама исчезла. С тех пор она ни разу не навестила Джесси. Разве это мать?

– Ей повезло, что у нее такой отец, как вы, – заметила я, стараясь успокоить мужчину: он сильно нервничал, хотя и пытался это скрыть.

– Она – все, что у меня есть, мэм.

– Меня зовут Лора, – представилась я.

– И если окажется, что она серьезно больна... врачи ведь просто так не направляют девочек на компьютерное обследование...

– Я уверена, ваш доктор просто хочет исключить нежелательные варианты, – отвечала я отработанным годами бесстрастным голосом.

– Говорите как по писаному. Вас учат такому обращению с пациентами, да? – Страх в его голосе, как мне это часто случалось наблюдать, вытеснял гнев.

– В общем-то, вы правы. Мы обучены тому, чтобы пытаться успокоить пациента и не говорить лишнего. Потому что я рентген-лаборант, а не рентгенолог-диагност.

- Теперь вы забрасываете меня умными словечками.

- Я работаю с аппаратурой, делаю снимки. Рентгенолог-диагност – это врач, который затем изучает сканограмму, смотрит снимки.

- И когда можно будет с ним поговорить?

Никогда. Рентгенолог-диагност – фигура закулисная. Он анализирует сканограммы, рентгенограммы, томограммы, эхограммы, но редко встречается с пациентами.

- Доктор Харрилд поговорит непосредственно с лечащим врачом Джесси, и, я уверена, вас сразу же проинформируют о том, есть ли...

- Вас специально учат разговаривать, как робот? – Едва эта реплика сорвалась с уст отца девочки, он тут же раскаялся. – Простите, я был не прав.

- Все в порядке, не волнуйтесь, – сказала я все тем же бесстрастным голосом.

- Вы обиделись.

- Вовсе нет. Я понимаю, как это все для вас, должно быть, тяжело, вы очень обеспокоены.

- Теперь вы снова говорите заученными фразами.

Из раздевалки вышла Джесси – оробевшая, напряженная, растерянная.

- Будет больно, да? – спросила она меня.

- Мы сделаем тебе укол, введем в кровь краситель, чтобы можно было увидеть, что происходит у тебя внутри. Но краситель безвреден...

- А укол? – На лице девочки был написан испуг.

- Чутьочку кольнет в руке, и сразу все пройдет.

– Обещаете? – Она пыталась храбриться, хотя, будучи совсем еще ребенком, толком и не понимала, зачем она здесь, для чего все эти медицинские процедуры.

– Будь настоящим солдатом, Джесс, – сказал ее отец, – а по дороге домой мы купим тебе Барби, какую ты хотела.

– Честный уговор, – одобрила я, а про себя подумала: не слишком ли я их обнадеживаю?

Я уже шестнадцать лет работала рентген-лаборантом, но до сих пор все процедуры, связанные с обследованием детей, вызывали у меня страх. Я всегда боялась первой увидеть результаты. А они слишком часто оказывались плохими.

– Это займет десять – пятнадцать минут, не больше, – сказала я отцу Джессики. – Здесь есть холл для ожидания. Там кофе, журналы... Это несколько шагов по коридору...

– Я на улице подожду.

– Это потому что ты по сигарете соскучился, – сказала Джессика.

Ее отец подавил глуповатую улыбку:

– Дочка слишком хорошо меня знает.

– Я не хочу, чтобы папа умер от рака.

Отец ее мгновенно помрачнел. Я видела, что он отчаянно пытается контролировать свои эмоции.

– Давай отпустим папу. Пусть подышит свежим воздухом.

Я завела Джессику в комнату с установкой, а сама повернулась к ее отцу. Тот плакал.

– Я знаю, как вам тяжело, – сказала я. – Но пока диагноз не поставлен...

Он просто покачал головой и пошел к двери, доставая сигареты из кармана рубашки.

Я вернулась к Джессике. Та со страхом таращилась на компьютерный томограф. Я понимала ее беспокойство. На вид это грозная установка, зловещая. Она представляет собой большой широкий обруч с двумя емкостями фантастического вида, содержащими чернильную жидкость. Перед обручем – узкая койка, больше похожая на гроб (только с подушкой). Такое зрелище даже во взрослых вселяло панику. Так что реакция Джессики меня ничуть не удивила.

– Я должна залезть туда? – спросила Джессика, поглядывая на дверь, будто хотела убежать.

– Это совсем не страшно. Ляг на койку. Специальное устройство поднимет тебя в установку. Обруч сделает снимки, какие нужны доктору... и все. Глазом не успеешь моргнуть, как мы закончим.

– И больно не будет?

– Давай-ка ложись, – сказала я, подводя девочку к койке.

– Я к папе хочу.

– К папе пойдешь через несколько минут.

– Обещаете?

– Обещаю.

Джессика забралась на койку.

Я подошла к ней, держа в руке трубку, подсоединенную к капсуле с чернильной жидкостью. Ладонью я прикрывала иглу для внутривенных инъекций, которая пока еще была в стерильном колпачке. Никогда не показывайте пациенту иглу для внутривенных инъекций. Никогда.

- Замечательно, Джессика. Я не стану обманывать тебя и говорить, что введение иглы в руку безболезненно. Но больно будет всего лишь мгновение, а потом все пройдет. Вообще никакой боли.

- Обещаете?

- Обещаю. Правда, возможно, несколько минут тебе будет жарко.

- Но жечь не будет, да?

- Нет, что ты. Никакого жжения.

- Я хочу к папе.

- Чем скорее мы закончим, тем быстрее пойдешь к папе. Так, а теперь слушай меня. Закрой глаза и думай о чем-нибудь приятном. У тебя есть любимый домашний питомец, Джессика?

- Песик.

- Закрой глаза, пожалуйста.

Девочка повиновалась.

- Что за песик?

- Кокер-спаниель. Папа подарил на день рождения.

Я протерла ее руку на внутреннем сгибе локтя жидким анестезирующим средством.

- Иголка уже вошла? - спросила Джессика.

- Еще нет. И как же зовут твоего песика?

- Таффи.

- Он делает глупости? Расскажи о чем-нибудь смешном.

- Однажды он съел целую тарелку пастилок[2 - Зд. маршмеллоу - легкие пористые конфеты в форме подушечек из яичных белков, кукурузного сиропа и желатина. Поджариваются на палочке на открытом огне; используются также как кулинарный компонент в салатах, десертах, густых кремах, сладких пастах.].

- Как ему это удалось?

- Папа оставил конфеты на кухонном столе, он любит жарить их на огне на Рождество. А потом Таффи откуда-то выскочил и...

Джессика засмеялась. Вот тогда-то я и ввела иглу ей в руку. Она вскрикнула, но я продолжала расспрашивать ее про собаку, а сама тем временем закрепляла иглу на руке пластырем. Потом, сказав, что выйду из комнаты на несколько минут, я спросила:

- Все еще больно?

- Нет. Но я чувствую иглу.

- Это нормально. Теперь лежи смирно и дыши глубоко-глубоко. Глаза не открывай. Вспомни что-нибудь смешное, например, как Таффи поедал пастилки. Договорились?

Девочка кивнула, не открывая глаз. Стараясь двигаться бесшумно, я быстро перешла из процедурной в так называемую техническую комнату. Это - кабина с набором компьютеров, вращающимся стулом и длинной панелью управления. Подготовив пациента, я теперь собиралась приступить к самому каверзному этапу процедуры сканирования: расчету времени. Вводя в компьютер необходимые данные, я, как обычно, почувствовала напряжение, которое, несмотря на мой немалый опыт работы в этой области, неизменно возникает у меня каждый раз при проведении таких процедур. Теперь главное - с точностью до секунды рассчитать каждый свой шаг. Через мгновение нажатием кнопки я

приведу в действие высокоскоростную систему впрыска, которая введет восемьдесят миллиграммов высококонтрастного йодосодержащего препарата в вены Джессики. После у меня останется менее пятидесяти секунд – точнее, сорок две секунды, если учесть малые габариты девочки – на то, чтобы начать сканирование. И точный расчет времени решает все. Йод создает контраст, что позволяет получить полное, почти объемное изображение всех костей, мягких тканей и внутренних органов. Однако йод сначала поступает в сердце, потом – в легочные артерии и аорту, после – разносится по всему организму. И как только контрастное вещество попадает в вены, наступает венозная фаза. Начнешь сканирование на несколько секунд раньше наступления венозной фазы, и все насмарку: контрастное вещество не успело накопиться в венах, а значит, мы не получим изображения, которые нужны рентгенологу для постановки точного диагноза. Начнешь сканирование чуть позже, концентрация контрастного вещества, возможно, будет слишком велика. Вот почему этот крошечный период времени до сих пор вселяет в меня страх, хотя я проводила сканирование тысячи раз. Если я неверно рассчитаю время, пациенту придется снова проходить обследование через двенадцать часов (не раньше), да и рентгенолог будет не очень доволен. Вот почему в эти решающие секунды перед началом сканирования я всегда до предела напряжена и охвачена сомнениями. Все ли я правильно подготовила? Верно ли оценила соотношение между скоростью распространения йода и физическими данными пациента? Не положила ли я в чем-то на волю случая?

Я боялась ошибок в своей работе. Потому что они дорого обходились пациентам. Потому что они травмировали людей, которые и без того были напуганы, пытаюсь совладать с чем-то для них непонятным, что, возможно, являлось смертельной болезнью.

Особенно мне становилось страшно, когда на том столе, в том «гробу», оказывался ребенок. Ибо, если новости были плохими, если изображения, возникавшие передо мной на экране, указывали на нечто катастрофическое... я всегда это скрывала, всегда надевала маску профессиональной бесстрастности.

Но дети... дети с раковыми заболеваниями... это было страшнее всего. Я расстраивалась в десять раз сильнее, потому что сама мать. Потому что у меня всегда сразу же возникала мысль: а если б это были Бен или Салли? И хотя они оба уже подростки, оба ищут свой путь в жизни, для меня они всегда будут моими детьми – отсюда и вечная открытая рана. Таковы странные особенности моей работы. Перед пациентами, коллегами, родными я – само воплощение

бесстрастного профессионализма (Салли однажды сказала своей подруге, зашедшей к нам домой после школы: «Мама целыми днями смотрит на опухоли и при этом всегда кажется веселой, неунывающей... странно, да?»), но с некоторых пор я стала остро реагировать на чужое горе. Если раньше, когда я видела на своих экранах ту или иную патологию организма, мне удавалось не думать о том, какие кошмары обрушатся на человека, лежащего на столе, то последние несколько месяцев они просто не шли у меня из головы. Буквально на прошлой неделе я делала маммографию учительнице одной местной школы, той самой, в которой учились Салли и Бен. Годом раньше, как я знала, она наконец-то вышла замуж и в сорок два года забеременела, о чем она поведала мне с огромным волнением. Увидев узелок в ее левой груди, я мгновенно поняла, что у нее рак второй степени (что позже подтвердил доктор Харрилд), а после работы я поехала на мыс Пемакид, вышла на пустынный берег и, не замечая осеннего холода, безутешно проплакала целых десять минут, все время недоумевая, почему чужие несчастья стали цеплять меня только теперь.

В тот вечер за ужином в разговоре с Дэном я упомянула, что делала маммографию женщине моего возраста (город у нас маленький, поэтому я ни в коем случае не называла имен людей, которые были у меня на приеме).

– И, когда я увидела уплотнение на экране и поняла, что это злокачественная опухоль, мне просто пришлось уединиться, потому что я не могла совладать с собой.

– Какая стадия?

Я ответила.

– Но ведь вторая стадия – не четвертая, – заметил Дэн.

– Да, но, возможно, ей все равно придется удалять молочную железу, ведь опухоль граничит с лимфоузлами.

– Ба, да ты отличный диагност, – сказал Дэн – вроде бы сделал комплимент, но сколько иронии.

– Дело в том, что со мной это уже не впервые. На прошлой неделе я обследовала одну грустную маленькую женщину. Она работает официанткой в каком-то кафе

на трассе № 1. У нее на печени злокачественная опухоль. И я опять не выдержала.

- Сегодня ты прямо как на исповеди.

- И что это значит?

- Да так, ничего, - ответил он, но опять каким-то неопределенным тоном. И вообще, в последнее время мне стало трудно понимать Дэна.

Дэн - это Дэн Уоррен. Мой муж, с которым я живу в браке двадцать три года. Последние полтора года с лишним он сидит без работы и подвержен резким перепадам настроения. Вот и сейчас, съязвив, он тут же добавил:

- Эй, даже лучшие летчики-истребители время от времени теряют самообладание.

- Я не летчик-истребитель.

- Зато ты - лучший рентген-лаборант в клинике. Это все знают.

Кроме меня. И уж тем более сейчас, думала я, усаживаясь перед рядами мониторов и глядя на Джессику. Она лежала на столе, зажмурившись. Губы дрожат, лицо мокрое от слез. Всем своим существом я порывалась броситься к девочке, успокоить ее, но это, я понимала, лишь продлит ее мучения. Лучше уж скорее провести обследование и отпустить ее. Включив микрофон, подсоединенный к динамику в процедурной, я сказала:

- Джессика, я знаю, что для тебя это все очень необычно, ты напугана. Но обещаю: больно не будет, мы закончим через несколько минут. Хорошо?

Все еще плача, она кивнула.

- А теперь закрой глаза, думай о Таффи и...

Я нажала на кнопку, приведшую в действие систему автоматического впрыска. На экранах появился таймер. Я тут же устремила взгляд на Джессику. Ее щеки

внезапно покраснели, потому что йодосодержащее контрастное вещество попало в кровоток, и температура ее тела повысилась на два градуса. Запустилась программа сканирования, стол-транспортер поднялся вверх. Перемещение по вертикали напугало Джессику, она вздрогнула от неожиданности. Я схватила микрофон:

– Джессика, не волнуйся. И лежи смирно, пожалуйста.

К моему огромному облегчению, она в точности выполняла все мои указания. Ложе достигло уровня обруча. Пролетели двадцать восемь секунд. Стол начал задвигаться в обруч. Остановился. Прошло тридцать шесть секунд. Маленькая головка девочки находилась в кольце обруча.

– Молодец, Джессика, умница. Только не шевелись.

Сорок четыре секунды. Сорок шесть. Мой палец лежал на кнопке сканирования. Я заметила, что он дрожит. Сорок девять. И...

Я нажала кнопку. Сканер заработал. Бесшумно. Абсолютно неслышно для пациента. Инстинктивно я закрыла глаза и тотчас же открыла их, когда на двух экранах передо мной появились первые изображения. Снова закрыла глаза, страхась увидеть тень, обесцвеченное пятно, узел, которые мой натренированный глаз заметит мгновенно. Это было бы выше моих сил.

Но профессионализм возобладал над страхом. Мои глаза распахнулись сами собой. И я...

Ничего не увидела.

По крайней мере, это то, что в первое мгновение зарегистрировал мой возбужденный взгляд.

Ничего.

Я принялась внимательно изучать изображения, пристально всматриваясь в каждый контур, в каждую скрытую трещинку в обоих полушариях головного мозга. Так полицейский обследует все углы на месте преступления, выискивая

некую невидимую улику, которая может полностью изменить криминалистическую картину преступления.

Ничего.

Для пущей верности я в третий раз пробежала глазами срезы, убеждаясь, что я не упустила важных деталей, и одновременно удостоверяясь, что концентрация контрастного вещества на должном уровне и четкость изображений соответствует требованиям доктора Харрилда.

Ничего.

Я шумно выдохнула и спрятала лицо в ладони, только теперь почувствовав, как гулко колотится у меня в груди сердце. Словами не передать, как я обрадовалась, что на снимках головного мозга Джессики нет ничего такого, что указывало бы на злокачественное новообразование. Но сам факт, что внутреннее напряжение во мне достигло критической точки... меня тревожил. И заставил задуматься. Значит, вот что происходит, когда ты годами вынуждена играть роль, которая, как тебе самой известно, противна твоей истинной природе? Когда маска, что ты давно носишь, съехала набок и ты боишься, что люди наконец-то увидят твой страх, который ты доселе старательно скрывала?

Ничего.

Я глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. Сказала себе, что моя работа еще не закончена. Переслала первый комплект срезов на компьютер доктора Харрилда – его кабинет находился буквально в двух шагах от кабинета компьютерной томографии. Одновременно отправила снимки в Систему архивирования и передачи изображений (САПИ) – специальную базу данных по нашему региону штата (известную под кодовым названием «Мэн-1»), расположенную в Портленде. По закону все сканограммы и рентгенограммы должны храниться в Системе САПИ – на тот случай, если в будущем возникнет необходимость сослаться на них, и как гарантия того, что снимки не будут перепутаны, утеряны или зарегистрированы не на того пациента. Также если радиологу или онкологу понадобится какая-то конкретная серия снимков пациента – или потребуется сравнить их с другими снимками в его карте, – врач может увидеть их, дважды щелкнув мышкой.

Отослав срезы, я начала повторное сканирование, дублируя первые изображения, чтобы сравнить уровень контрастности и проверить, все ли отразилось на снимках в первый раз. Обычно, если первая серия не показывает отклонений, я дублирование делаю в расслабленном состоянии. Но сегодня тихий голосок нашептывал мне: «А вдруг ты ошиблась в первый раз и не увидела опухоль?»

Я схватила микрофон:

- Еще пару минут, Джессика. Ты просто молодчина. Лежи смирно и...

На двух мониторах появились срезы повторного сканирования. Я впилась взглядом в экран, ожидая увидеть доказательство моего давнего сбой профессионализма – скрытый узелок, теперь проявившийся на какой-нибудь бороздке ее мозжечка. И снова...

Ничего.

И это величайший парадокс в моей работе. Для нас хорошая новость – это когда на полученных снимках мы не обнаруживаем ничего. Наверно, моя работа – одна из немногих областей деятельности в мире, в которой «ничего» приносит удовлетворение, облегчение, подтверждает статус-кво.

Контрольное сканирование.

Ничего.

Я нажала кнопку «отправить». И вторая серия срезов ушла на компьютер доктора Харрилда и в базу данных САПИ. Я опять взяла микрофон и сказала Джессике, что обследование завершено, но она должна лежать спокойно, пока ложе не опустится до уровня пола.

Десять минут спустя, снова в своей одежде, облизывая леденец на палочке, Джессика появилась перед отцом. Когда я привела ее в зал ожидания, где тот сидел, понурившийся, встревоженный, он мгновенно вскочил на ноги, пытливо всматриваясь в мое лицо. Так обвиняемый на суде пытается по лицам возвращающихся в зал заседания присяжных понять, каков приговор. Джессика

подбежала к отцу, обняла его.

– Смотри, у меня четыре леденца, – похвасталась она, показывая ему три нетронутые конфеты в одной руке и одну – во рту.

– Ты их заслужила, – сказала я, – ты была очень храброй и послушной пациенткой. Вы должны гордиться ею, сэр.

– Я всегда горжусь своей дочерью. – Мужчина поднял девочку на руки, усадил на скамью и велел подождать, «пока мы с этой доброй леди поговорим».

Жестом пригласив меня выйти с ним на улицу, на свежий воздух осеннего утра, он задал вопрос, которого я всегда ожидаю по окончании процедуры сканирования:

– Вы что-нибудь обнаружили?

– Я уверена, что сегодня во второй половине дня рентгенолог-диагност, доктор Харрилд, свяжется с вашим лечащим врачом, – заученной фразой ответила я.

– Но вы же видели снимки...

– Сэр, я не квалифицированный врач-рентгенолог и не ставлю диагнозы...

– Я тоже не проектирую корабли, которые строю, но я сразу могу сказать, если что-то не так. У меня большой опыт работы. Как и у вас. И вы уже знаете – самая первая узнали, – есть у моей дочери опухоль в голове или нет.

– Сэр, вы должны понять: ни по закону, ни с точки зрения врачебной этики я не вправе высказывать свое мнение...

– Все когда-нибудь бывает в первый раз. Прошу вас, мэм. Умоляю. Я должен знать то, что известно вам.

– Пожалуйста, поймите, я очень вам сочувствую...

- Мне нужен ответ.

- Но я его не дам. Потому что, если я скажу вам, что новости хорошие, а потом окажется, что на самом деле они плохие...

Он вздрогнул:

- То есть вы хотите сказать, что новости хорошие?

Это - тактика, к которой я часто прибегаю в тех случаях, когда снимки не показывают отклонений, но рентгенолог-диагност еще должен изучить их и подтвердить отрицательный результат. Я не вправе высказывать свое мнение, я не имею соответствующей медицинской квалификации. И хотя я обладаю обширными знаниями в своей области, существуют определенные правила, и я обязана им следовать. Но я могу по-своему попытаться успокоить пациентов и их близких, если вижу по результатам обследования, что их страхи безосновательны.

- Я хочу сказать, что не смею утверждать, что опухоли нет. Это обязанность доктора Харрилда.

- Но вы считаете, что опухоли нет.

Я прямо посмотрела ему в лицо:

- Я не врач. Если я скажу вам, что опухоли нет, я нарушу правила. Вы понимаете меня, сэр?

Он опустил голову, улыбаясь и одновременно пытаюсь сдержать слезы:

- Я все понял... спасибо. Я вам очень благодарен.

- Надеюсь, доктор Харрилд сообщит вам хорошие новости.

Пять минут спустя я постучала в дверь кабинета доктора Харрилда.

– Войдите, – крикнул он.

Патрику Харрилду сорок лет. Он высокий, долговязый, с курчавой бородкой. Всегда одет во фланелевую рубашку, брюки из хлопчатобумажного твила и коричневые ботинки из мягкой кожи. Когда он первый раз появился здесь, три года назад, некоторые недобрые коллеги обозвали его шутком гороховым, – он не производит впечатления импозантного, уверенного в себе человека. Его отличают сдержанные манеры, что многие по ошибке принимают за робость. Предшественником доктора Харрилда был Питер Потхолм, врач-рентгенолог старой закваски. Он вел себя как Бог Отец, терроризировал подчиненных и бывал крайне неприятен, если ему казалось, что кто-то ставит под сомнение его авторитет. Я всегда держалась с ним свехучтиво и профессионально, в то же время позволяя ему играть роль абсолютного монарха в нашем маленьком мирке. Я уживалась с доктором Пот-холмом, в отличие от трех других рентген-лаборантов, сменившихся в клинике за время его четырнадцатилетнего владычества (окончившегося, когда он наконец-то был вынужден выйти на пенсию). Доктор Харрилд был полной противоположностью «папе Потхолму» (как величали его в клинике). Он был вежлив, застенчив, прислушивался к чужому мнению. Однако тихо, без шума устроил досрочный уход на пенсию одной из работниц, когда та запорола пять серий срезов кряду. Доктор Харрилд очень порядочный, благоразумный человек и первоклассный диагност. Под его застенчивостью и стеснительностью кроется твердый характер.

– Привет, Лора, – поздоровался доктор Харрилд, когда я открыла дверь в его кабинет. – Хорошие новости о Джессике Уорд. На мой взгляд, у нее все чисто.

– Здорово.

– Если, конечно, ты не заметила чего-то такого, что упустил я.

Питер Потхолм скорее бы прошел босиком по горящим углям, чем соизволил спросить мнение скромного рентген-лаборанта. А вот доктор Харрилд...

– Я не заметила ничего тревожного или зловещего, – сказала я.

– Рад это слышать.

– Может, поговоришь теперь с отцом Джессики? Бедняга...

- Он в зале ожидания?

Я кивнула.

- Следующая на очереди Этель Смайт? - уточнил доктор Харрилд.

- Точно.

- Судя по тени на снимке ее легкого, что делали на прошлой неделе...

Он не закончил предложения. Но этого и не требовалось, мы оба видели рентгеновские снимки легких Этель Смайт, которые я сделала два дня назад. И оба заметили зловещее темное пятно, закрывавшее значительную часть верхней доли левого легкого, - темное пятно, заставившее доктора Харрилда позвонить лечащему врачу Этель Смайт и сказать, что ее пациентке необходимо срочно сделать компьютерную томографию.

- Ладно, пойду обрадую мистера Уорда.

Пятнадцать минут спустя я готовила к обследованию Этель Смайт. Она была примерно моего возраста. Разведенная. Бездетная. Работала в кафетерии местной средней школы. Имела избыточный вес. Много курила - по пачке сигарет в день последние двадцать три года (это все было записано в ее медицинской карте).

И еще отличалась неумной разговорчивостью - пытаюсь скрыть нервозность, без умолку болтала на протяжении всей процедуры, делюсь подробностями своей жизни. На ее доме в Уолдборо нужно срочно перестилать крышу, а денег на это нет. От своей старой семидесятидевятилетней матери она никогда слова доброго не слышит. Сестра, живущая в Мичигане, замужем за «самым скаредным человеком по эту сторону Миссисипи». А ее врач, доктор Уэсли, «такой милашка, всегда так добр и внимателен». Он объяснил ей, что «просто хочет исключить кое-что, и сказал это таким приятным, добрым голосом... У меня же ничего страшного, да?».

Рентгенограмма свидетельствовала об обратном. И вот она снова здесь, в больничной сорочке самого большого размера, какой у нас есть. В глазах застыл

страх. И все говорит, говорит, говорит, укладываясь на ложе-транспортер. Поморщилась, когда я ввела иглу ей в вену. И все повторяет:

- Со мной все в порядке. А то пятно, про которое говорил доктор Уэсли... это ведь какая-то ошибка, да?

- Как только врач-рентгенолог посмотрит срезы, которые мы сегодня сделаем...

- Но вы же видели снимки. Вы ведь не думаете, что они плохие?

- Я ничего такого не говорила, мэм.

- Можно просто Этель. Но ведь вы сказали бы мне, если бы вас что-то насторожило.

- Это не входит в мои обязанности.

- Почему вы не скажете мне, что все хорошо? Почему?

В глазах ее стояли слезы, голос был воинственный, сердитый. Я положила руку ей на плечо:

- Вам страшно, я знаю. Тяжело, потому что вы не понимаете, что происходит, зачем вас вызвали на дополнительное обследование. Я вас хорошо понимаю...

- Что вы можете понимать? Откуда?!

Я стиснула ее за плечо:

- Этель, прошу вас, давайте сделаем сканирование, а потом...

- Мне всегда говорили, чтобы я отказалась от этой дурацкой привычки. Марв - мой бывший. Доктор Уэсли. Джеки - моя сестра. Всегда говорили, что я играю со смертью. А теперь...

Она всхлипнула с надрывом.

– Закройте глаза, Этель. Сосредоточьтесь на дыхании и...

Женщина давилась рыданиями.

– Я теперь отойду и начну сканирование, – предупредила я. – А вы дышите медленно. Это недолго...

– Я не хочу умирать.

Последние слова она произнесла шепотом. Эту фразу за многие годы работы в больнице я не раз слышала от других пациентов, но сейчас, глядя на несчастную напуганную женщину, я прикусила губу, стараясь побороть слезы... и снова ужасаясь собственной ранимости. К счастью, Этель лежала с закрытыми глазами и не видела моих терзаний. Я поспешила в аппаратную. Взяла микрофон и попросила Этель не шевелиться. Потом запустила сканер. За несколько секунд до появления на мониторах первых изображений я зажмурилась, а потом открыла глаза и увидела...

Раковую опухоль. Спикулярную по форме. И уже пустившую метастазы – как я могла судить по снимкам – в лимфатические узлы и другое легкое.

Через полчаса доктор Харрилд подтвердил мои подозрения.

– Четвертая стадия, – тихо сказал он.

Мы оба понимали, что это значит, тем более с опухолью такого типа в легких. Два-три месяца – в лучшем случае. И умирать она будет тяжело, как и все раковые больные.

– Где она сейчас? – спросил доктор Харрилд.

– Побежала на работу, – ответила я, вспомнив, как женщина говорила мне, что теперь ей нужно спешить на работу, потому что в двенадцать в школе начинается обед, а она стоит на раздаче блюд, и «поскольку сейчас всюду идут сокращения, я не хочу давать боссу повод для увольнения».

Вспомнив это, я почувствовала, как мне снова стало не по себе.

– Лора, тебе нехорошо? – спросил доктор Харрилд, пристально глядя на меня.

Я тотчас же отерла глаза и надела привычную маску суровой невозмутимости.

– Все нормально, – ответила я с наигранной бодростью в голосе.

– Что ж, – сказал он, – по крайней мере, девочку есть чем порадовать.

– И то верно.

– И это все в один день, да?

– Да, – тихо согласилась я. – Все в один день.

Глава 2

Мыс Пемакид. Небольшая полоска песчаного берега – протяженностью не более четверти мили, – омываемая водами Атлантики. «Мыс» – это скорее небольшая бухта: скалистая, изрезанная, окаймленная с обеих сторон загородными летними домиками – на вид простенькими, но однозначно высшего разряда. В этом уголке Мэна показная роскошь не приветствуется, поэтому даже «приезжие» (так здесь называют всех, кто родился не в Мэне) богатством не щеголяют, здесь так не принято, в отличие от других регионов.

В Мэне столько всего находится вне поля зрения.

На берегу, кроме меня, ни души. Часы показывают восемнадцать минут четвертого. Настоящий октябрьский денек. Безоблачное синее небо. Бодрящая свежесть в воздухе – первый признак надвигающихся заморозков. В это время дня уже начинает смеркаться, хотя еще светло. Мэн. Я живу здесь всю жизнь. Здесь родилась. Выросла. Получила образование. Вышла замуж. Все сорок два года я прикована к одному месту. Почему так происходит? Почему я позволила

себе застыть на одном месте? Почему многие из тех, кого я знаю, убедили себя в том, что их вполне устраивают узкие горизонты?

Мэн. На этот мыс я приезжаю постоянно. Это – мое убежище. Тем более что оно напоминает мне о красоте окружающей природы, перед которой я неизменно чувствую себя ничтожеством. И еще море. Года два назад, когда я посещала литературный кружок, мы там обсуждали роман «Моби Дик». И одна женщина по имени Кристал Опп – до выхода на пенсию она служила на флоте – вслух задалась вопросом, почему многие писатели часто сравнивают жизнь с морем. И я ей ответила: «Может быть, потому, что, когда стоишь у моря, кажется, что горизонты твоей жизни раздвигаются. Перед тобой открываются безграничные возможности». На что Кристал добавила: «И в первую очередь это – возможность уйти от обыденности».

Неужели та женщина прочитала мои мысли? Разве не об этом я всегда думаю, когда прихожу сюда и смотрю на Атлантику? Что мир гораздо шире того, что находится у меня за спиной. Когда я гляжу на водную просторность, повернувшись спиной ко всему, что наполняет мою жизнь. Представляя себя в других краях.

Но потом – бип-бип. Засигналил мой мобильный, возвращая меня в мой мир, в здесь и сейчас, уведомляя, что пришло SMS-сообщение. Я тотчас же полезла в сумочку за телефоном, уверенная, что это – послание от моего сына Бена.

Бену девятнадцать. Он – студент второго курса Университета штата Мэн в Фармингтоне, изучает изобразительное искусство, и это бесит моего мужа Дэна. У них всегда было мало общего. Каждый из нас – продукт своего окружения. Разве нет? Дэн вырос в бедности в округе Арустук. Его отец был лесорубом, работал по временным договорам. Он много пил и, наверно, никогда не знал, как пишется слово «от-ветст-вен-ность». Но он любил сына, хотя частенько, когда был пьян, набрасывался на него с кулаками. Дэн одновременно обожал и боялся отца – и всегда пытался быть крутым ковбоем, каковым тот мнил себя. Сам факт, что Дэн не берет в рот ни капли спиртного – и косится на меня, если я осмеливаюсь налить себе второй бокал вина, – красноречивое свидетельство того, что пьяные дебоши отца нанесли ему непоправимую психическую травму. В душе он знает, что его отец был слабым, трусливым ничтожеством, и, как у всех громил, под этой жестокостью скрывалось его отвращение к самому себе. Я не раз пыталась убедить Дэна, что как человек он гораздо лучше своего отца и что свою природную порядочность он должен проявлять по отношению к сыну,

несмотря на глубокие различия между ними. Дэн, конечно, не был жесток с Беном, не был враждебно настроен к нему. Просто он проявлял к Бену лишь номинальный интерес, отказываясь объяснить мне, почему к своему единственному сыну он относится, как к чужому.

Совсем недавно, после того как о Бене вышла статья в газете «Мэн тудей», в которой моего сына назвали достойным внимания молодым художником – в Портлендском музее искусств экспонировался один его коллаж: части разобранных ловушек для омаров, превращенные в «пугающую картину современной инкарцерации» (во всяком случае, так выразился критик из газеты «Портленд финикс»), – Дэн спросил меня, не кажется ли мне, что Бен «не совсем нормальный». Вопрос мужа потряс меня до глубины души, и, пытаясь скрыть свой ужас, я в ответ спросила:

– Что навело тебя на эту мысль?

– Ну, ты только посмотри на тот идиотский коллаж, от которого писают портлендские пижоны.

– Это произведение находит отклик у зрителя, потому что оно провокационное, и в качестве средства выражения там использовано нечто сакраментальное для Мэна – ловушка для омаров...

– Сакраментальное, – фыркнул Дэн. – Словечки-то какие подбираешь.

– Почему ты все время стараешься обидеть, оскорбить?

– Я просто выражаю свое мнение. Но ты не стесняйся, скажи, что я много болтаю. Что именно из-за своего длинного языка я уже полтора года сижу без работы...

– Насколько мне известно, работу ты потерял не из-за глупостей вроде той, что ты несешь сейчас. Если, конечно, ты что-то от меня не утаил.

– Значит, я, по-твоему, еще и дурак, да? Не то что наш «выдающийся сын. Пикассо штата Мэн».

Потеряв работу, Дэн озлобился, у него все чаще случались вспышки раздражительности. Правда, нагрубив сейчас, он сразу поспешил извиниться («Ну вот, опять я сорвался. Не понимаю, как ты меня терпишь»), однако неприятный осадок остался. И пусть такие кратковременные срывы случались не чаще пары раз в месяц, они усугублялись тем, что Дэн все больше замыкался в себе, отказываясь делиться со мной своими переживаниями, связанными с потерей работы. В результате обстановка дома накалялась. Не скажу, что наш брак был овеян какой-то особой романтикой или страстью (хотя сравнивать мне не с чем), но за годы супружества мы вполне притерлись друг к другу и жили неплохо, в относительной гармонии, пока из-за увольнения Дэна между нами не разверзлась пропасть, которая ширилась с каждым месяцем, что он сидел дома, теряя надежду на возобновление профессиональной деятельности.

Насколько я могла судить, Дэна особенно расстраивало то, что его сын, которому было всего девятнадцать, уже добился признания. Ему предложили принять участие в Выставке молодых художников штата Мэн, проводившейся в Портлендском музее искусств; он стал одним из двух студентов, чьи работы отобрали для этой выставки; критик назвал его новатором и талантом, достойным внимания... Да, конечно, во мне говорит материнская гордость. Но согласитесь, чем это не успех? А Бен вдумчивый, серьезный и такой необычный мальчик, и он жаждет любви и одобрения отца. Но Дэн этого просто не понимает. Из намеков, которые он время от времени выдает, мне ясно, что его раздражает, что мальчик, которого он всегда списывал со счетов, считая Бена странным, не похожим на других, не таким сыном, о каком он мечтал, уже чего-то добился в жизни – и даже получил общественное признание. Я часто убеждала себя, что, как только Дэн снова найдет работу, все наладится. А сама при этом думала: если бы один положительный момент мог в одночасье все изменить...

Бип.

Очередная серия коротких сигналов, уведомляющих меня, что новое сообщение требует моего внимания. Телефон уже был у меня в руке, и я всматривалась в экран, пытаюсь прочесть расплывающееся на солнце сообщение. Ладонью загорая дисплей от солнечных лучей, я разобрала: «Пожалуйста, позвони мне сейчас же... Бен».

Меня охватила тревога. Теперь я начинаю волноваться каждый раз, когда получаю от Бена сообщения подобного рода. Сейчас с моим сыном творится что-

то неладное. Со стороны – если смотреть на факты объективно – может показаться, что это непосредственно связано с его глупым любовным романом. Девять месяцев назад Бен познакомился с девушкой по имени Элисон Фелл. Как и он, она изучает изобразительное искусство в Фармингтоне. Ее отец – известный адвокат в Портленде. Они живут в одном из особняков, что стоят на побережье в городке Кейп-Элизабет. По-видимому, ее родители были страшно недовольны, что их дочь отмела все ультрапрестижные высшие учебные заведения («Точные науки меня никогда особо не привлекали», – сказала она мне) и теперь вынуждена «довольствоваться» учебой в фармингтонском университете (который в действительности считается вполне уважаемым гуманитарным колледжем, хоть и является государственным вузом). Элисон тоже девятнадцать, она довольно симпатичная, помешана на богемности: одевается во все черное, свои длинные ногти покрывает черным лаком, длинные до пояса черные волосы укладывает в сложную прическу. Я часто думаю, Бена она выбрала потому, что он самый талантливый из небольшой группы студентов, изучающих изобразительное искусство в Фармингтоне, а еще потому, что он «милашка и ужасно беззащитный». Для Бена сам факт, что эта общительная, самоуверенная, очень яркая девушка проявила к нему интерес... В общем, если учесть, что в школе подружек у него не было и сам он считал себя «в некотором роде придурком», Элисон его просто покорила. Наверняка она познакомила его и с радостями секса.

Все это началось в январе прошлого года, хотя Бен ничего не говорил мне о своем романе, пока не приехал домой на Пасху. Тогда он пригласил меня пообедать с ним в кафе «У Муди». И там, поедая запеченные на гриле сэндвичи с сыром, Бен сообщил мне – робко, нерешительно, – что он встречается с одной девушкой. Он с таким трудом это произнес и тут же добавил: «Только папе не говори. Она ему не понравится». Мое сердце переполняли любовь и тревога. Ибо я видела, что мой сын в растерянности, что для него это все внове.

– Что ты чувствуешь к Элисон? – спросила я тогда.

– Я хочу на ней жениться, – выпалил Бен, густо покраснев.

– Понятно, – неопределенно произнесла я. – А Элисон этого хочет?

– Конечно. Она сказала, что я – любовь всей ее жизни.

- Что ж... чудесно. Замечательно. Но... вы давно вместе?

- Пятьдесят четыре дня.

- Понятно, - повторила я, а про себя подумала: «О боже, он дни считает, а может, даже часы».

- Первая любовь всегда... это так удивительно, - сказала я. - Даже не верится. И я, конечно, не хочу вмешиваться в твои планы...

Господи, ну что за банальности я несу?

- ...в общем... я лишь хочу сказать, что это чудесно! Просто не торопись.

- Я люблю ее, мама... и она меня любит.

- Ну...

Мне столько всего хотелось ему сказать... и столько всего, я понимала, я не могла ему сказать. Разве что:

- Я так рада за тебя.

Однажды мы встретились с Элисон. Бен нервничал, Дэн пытался выяснить, большой ли участок побережья в Кейп-Элизабет принадлежит ее родителям, а Элисон вертела головой, разглядывая наше скромное жилище, и улыбалась сама себе. Я же тем временем старалась разрядить атмосферу, и, как и все, я понимала, что это абсолютно невозможно. Мне не нравилось, что Элисон демонстративно афиширует свои близкие отношения с Беном, поглаживает его по ноге - один раз прямо на глазах у нас с Дэном, - шепчет ему что-то на ухо (она воображала себя готом, но вела себя как подросток), играя на его чувствах. Ну, хорошо, наверно, это во мне говорил материнский инстинкт/подозрительность. Но больше всего меня беспокоило то, что Бен был без ума от своего состояния влюбленности. Как объяснить ему, что порой мы проецируем на других желания своего сердца. В результате вообще по-настоящему не видим их.

После ужина Дэн сказал мне:

- Она бросит его, как горячую картошку, как только утратит к нему интерес.

- Может, поговорил бы с ним о...

- О чем? Мальчишка сроду ко мне не прислушивался. Он считает меня консерватором, республиканцем...

- Просто поговори с ним, Дэн. Ему очень нужна твоя поддержка.

Надо отдать должное моему мужу: когда Бен в следующий раз приехал домой на выходные из колледжа, они несколько часов после обеда вместе убирали листья в саду и беседовали. После Бен сказал, что отцу вроде бы интересно, что он чувствует к Элисон и насколько серьезны его чувства. «И он не читал мне наставлений». Потом, всего полтора месяца спустя, рано утром мне позвонили из университета. Один из охранников кампуса нашел Бена среди ночи под деревом возле общежития, и тот даже не замечал, что стоит под дождем, льющим уже несколько часов. Бена привели в университетскую больницу. Он сильно простудился (слава богу, это был только сентябрь). В следующие несколько дней простуда едва не перешла в воспаление легких. Но особенно тревожило то, что Бен отказывался разговаривать с кем-либо, не хотел объяснить, как и почему он оказался под деревом, где проторчал несколько часов под проливным дождем.

Мы с Дэном помчались в Фармингтон. Когда мы вошли в палату, где лежал наш сын, Бен, увидев нас, отвернулся, спрятал голову под подушку, отказываясь общаться с нами, несмотря на все усилия дежурной медсестры, всячески пытавшейся привлечь его внимание к тому, что в комнате находятся его родители. Я старалась сдерживать свои эмоции, но Дэн был вынужден покинуть палату – очень уж сильно он переживал за сына. Я нашла его на улице. Он курил одну из трех сигарет, которые он до сих выкуривает за день. В глазах его стояли слезы, ибо он был расстроен психическим состоянием Бена. Я обняла мужа. Он на мгновение уткнулся головой мне в плечо, но потом тут же стряхнул с себя мои руки, видимо стыдясь собственной слабости: за двадцать лет нашего супружества я крайне редко видела, чтобы Дэн давал волю чувствам. Вытирая глаза, он глубоко затянулся сигаретой и сказал:

– Убил бы эту богатенькую стерву.

Я в ответ лишь произнесла:

– Все будет хорошо, он справится.

Позже в тот день мы встретились с университетским психологом. Это была крупная, внушительная женщина по имени Клэр Аллен. Психолог стала расспрашивать про Бена, про нас самих, и казалось, она уже очень много знала о жизни нашего сына.

– Полагаю, вам известно, что несколько дней назад девушка Бена ушла к другому. – Краем глаза я заметила, что лицо Дэна побелело от гнева. – По-видимому, этот товарищ – важная фигура в Портлендском музее искусств, и он значительно старше ее по возрасту.

– Так это все из-за того, что его бросила девушка? – уточнил Дэн.

Доктор Аллен смерила его абсолютно бесстрастным взглядом и ответила:

– То, что для одного – пустяк, мелочь, для другого означает конец света, переворачивает всю его жизнь. Особенно если этот человек не уверен в себе, сомневается в том, что он достоин любви.

– Думаю, Бен всегда знал, что его любят, – возразила я – пожалуй, слишком поспешно.

Доктор Аллен одарила меня многозначительной улыбкой:

– Не сомневаюсь. Но как теперь объяснить, почему эта эмоциональная встряска спровоцировала столь неадекватную реакцию у вашего сына? Я смогу вызвать его на откровенность. Я чувствую, что он и сам хочет с кем-нибудь об этом поговорить.

И эта последняя фраза резанула меня по живому, ведь я была уверена: Бен знает, что со мной он может говорить о чем угодно. Однако прошло целых пять дней, прежде чем Бен наконец-то заговорил. Об этом сообщила мне доктор

Аллен. Она позвонила мне на сотовый, когда я была на работе:

- Хорошие новости. Сегодня утром мы с вашим сыном беседовали двадцать минут. Он начал общаться с медсестрами и врачами в больнице. Все пока очень зыбко. Но он знает, что его нашли стоящим под деревом и вымокшим до нитки. Знает, что вы с мужем навещали его. Когда я спросила, что спровоцировало нервный срыв, какая проблема, он ответил: «Моя девушка бросила меня ради тридцатилетнего мужика». И это, если говорить объективно, хорошая новость. Он сумел идентифицировать фактор, повергший его в травматическое состояние, это огромный шаг вперед. И обнадеживающий.

- Когда можно снова навещать его? - осведомилась я.

- Я бы посоветовала не торопить события. Пусть побеседует со мной еще несколько дней. С вашего позволения я хотела бы помочь ему сбросить нервное напряжение, раскрепоститься. А потом, я уверена, он изъявит желание увидеться с матерью.

Про отца она не упомянула. Что это: оплошность или умышленное упущение? Значит, она догадалась, что у Бена с отцом непростые отношения?

К чести доктора Аллен, она через день звонила мне, докладывая о том, как продвигается процесс реабилитации. К чести Дэна, он жадно следил за новостями из Фармингтона и, казалось, обрадовался тому, что Бен разговорился и «искренне хочет поправиться» (цитируя слова доктора Аллен). Но прошло целых три недели, прежде чем Бен вернулся к учебе и доктор Аллен разрешила нам его навещать. Дэн устраивался на работу в Огасте, и на тот день ему было назначено первое собеседование, поэтому в университет я поехала одна. Сначала я встретила с доктором Аллен в ее кабинете. Она была довольна Беном, сказала, что он еще очень раним, но, кажется, смирился со своим горем, два раза в неделю приходит к ней на сеансы психотерапии и они «разговаривают о многих вещах».

- Должна сказать, не раскрывая содержание наших бесед с Беном, что ему еще нужно работать и работать над собой. Дело в том, что он, вне сомнения, талантливый юноша. Преподаватель по изобразительному искусству считает, что у Бена фантастические перспективы. И мне известно, что его работы отобрали на ту большую выставку в Портленде. Но, как и многие творческие

личности, он подвержен сомнениям, особенно в плане самооценки. Он сказал мне, что вы с ним очень близки.

- Мне тоже так кажется, - подтвердила я, отметив про себя, как профессионально доктор Аллен обошла молчанием тему отца.

- У него есть сестра, верно?

- Да. Салли.

- Они довольно разные, верно?

Это еще мягко сказано. Бен - творческая натура, замкнутый, неуверенный в себе мальчик с нестандартным мышлением. Салли - полная противоположность. Она невероятно общительна и самоуверенна. Дэн ее обожает, она обожает отца, хотя в последнее время его раздражительность действует ей на нервы. У меня с дочерью чуть более сложные отношения. Думаю, отчасти это связано с типичными разногласиями, возникающими между девочками-подростками (Салли семнадцать) и их матерями. Но главная причина в том - и это меня тревожит, - что мы с ней во многом очень разные люди. Салли - мисс Популярность в своей школе. И она усердно работает над своей ролью, поскольку искренне желает всем нравиться. Она - истинная американка. Высокая, стройная, рыжеволосая, всегда цветущая, ухоженная, с великолепными зубами. Внешность очень много значит для нее: на поддержание собственного имиджа она тратит по два часа в день и каждый вечер не менее сорока пяти минут занимается своим лицом, чтобы в нем не было ни изъяна. И улыбка у нее ослепительная, потому что она пользуется отбеливающими полосками для зубов. Неудивительно, что по ней сохнет половина школьной футбольной команды, хотя ее нынешний парень, Брэд, - звезда школьной команды по бейсболу. Он готовит себя к карьере политика, и Салли для него, как я понимаю, лишь приложение в виде очень симпатичной девушки. Салли тоже это понимает. Несколько недель назад, когда выяснилось, что Брэда приняли в Дартмут, я застала ее плачущей в нашей гостиной.

- Он будет учиться в престижном колледже Лиги плюща в Нью-Гэмпшире, а я - в дурацком университете Мэна, - объяснила она причину своих слез, разоткровенничавшись со мной, что случалось крайне редко.

– Я тоже училась в Университете штата Мэн.

– Да, но ты могла бы поступить куда угодно.

– Университет штата Мэн предложил мне стипендию. У моих родителей не было денег, и...

– Даже если бы оценки позволяли мне поступить в Дартмут, разве у нас есть...

– Мы нашли бы деньги, – заверила я дочь несколько раздраженным тоном, ибо Салли порой горько сокрушалась, что нам теперь приходится жить слишком экономно... хотя, слава богу, свое возмущение она высказывала только мне, понимая, что отец будет убит горем, услышав, как его обожаемая дочь стонет по поводу отсутствия семейного капитала.

Правда, Салли вообще имела обыкновение изливать на меня свое недовольство всевозможными жизненными обстоятельствами – и не в последнюю очередь тем, что она родилась не в семье какого-нибудь магната с Уолл-стрит. Салли не могла обойтись без сопоставлений. Отец Брэда нажил состояние, открыв небольшую сеть хозяйственных магазинов по всему штату, и все равно решил отдать своего амбициозного сына в местную государственную школу (чем заслужил мое уважение). Родители Брэда жили в большом комфортабельном доме в прибрежной части города (там были и сауна, и джакузи, и тренажерный зал, бассейн во дворе, плазменный телевизор в каждой комнате). Теперь у них был дом в «элитарном коттеджном поселке» (точные слова Салли) близ Тампы. Она неделю гостила у Брэда в их флоридском особняке, вместе с Брэдом и его отцом каталась на прогулочном катере с каютой, принадлежавшем их семье. И у Брэда уже был свой собственный «крутой» автомобиль: «мини-купер». И...

Я очень люблю свою дочь. Она яркая, энергичная, полная оптимизма. Эти ее качества меня восхищают. Но я часто задаюсь вопросом: а к чему она стремится?

– Я знаю: Брэд бросит меня сразу же, как только кончится лето и мы разъедемся по университетам. Потому что я для него просто школьная подружка, с которой можно весело провести время, и только. А он ищет кого-то, кто подошел бы на роль будущей жены сенатора.

- Ты хочешь стать женой сенатора? Это цель твоей жизни?

- Я слышу разочарование в твоём голосе, мама?

- Ты никогда меня не разочаровываешь, Салли.

- Хотелось бы верить.

- Я не хочу, чтобы ты стала кем-то, кем быть не хочешь.

- Но ты против того, чтобы я вышла замуж за такого, как Брэд.

То есть не конкретно за Брэда? То есть речь вообще идет о парне с деньгами, уверенно продвигающемся по карьерной лестнице в высшие эшелоны власти?

- У каждого свои планы, свои устремления.

- Ну вот, опять ты мною недовольна.

- В каком смысле?

- Считаешь, что я не ставлю перед собой высоких целей. Что не достигну высот в жизни...

- У тебя много талантов, Салли.

- На твой взгляд, я ограниченная, пустая и, в отличие от тебя, книг не читаю.

- Ты ведь знаешь, что я очень высокого мнения о тебе.

- Но ты больше любишь Бена.

- Я не делаю разницы между тобой и Беном, вы оба одинаково дороги мне. И дело в том, что ты понятия не имеешь, как сложится твоя жизнь. Или на чем ты остановишься. Даже когда ты думаешь: «Ну вот, это и есть моя жизнь», все может измениться в одно мгновение.

- Ты так говоришь, потому что целыми днями смотришь на чужие опухоли.

Уф. Я натянуто улыбнулась:

- Ну... это действительно заставляет по-особому смотреть на многие вещи.

- Я не хочу быть рабом заведенного порядка.

- Тогда не нужно быть чьей-то женой.

Ну вот. Я это произнесла. Салли вздрогнула, парировала:

- Ты тоже чья-то жена.

- Не спорю. Но...

- Можешь не договаривать, мама. И я знаю, что, будь я такой же творческой личностью, как Бен...

В некоторых вопросах детей просто невозможно переспорить.

- У него есть сестра, верно?

- Да. Салли.

- Они довольно разные, верно?

- Салли не такая, как Бен, - подтвердила я, слава богу, как мне показалось, бесстрастным тоном.

- Бен вскользь упоминал об этом. И о том, что с вами он более близок, чем с отцом.

- Он любит Бена.

Доктор Аллен смерила меня внимательным взглядом.

– Не сомневаюсь, что любит... по-своему, – сказала она. – Но позвольте спросить вас кое о чем, Лора: вы всегда чувствуете необходимость что-то улучшить, исправить?

– Это плохо?

– Неблагодарное это дело, правда? Если говорить о чужом счастье... Каждый человек должен сам заботиться о своем счастье, верно? В том числе и ваши дети, ведь они уже взрослые. Вы не должны винить себя за то, что у Бена есть проблемы.

– Легко сказать.

Полчаса спустя я встретила с Беном в кафе за пределами территории кампуса – доктор Аллен посодействовала. Он заметно похудел, хотя и так был тощим. Все еще был немного бледен. Позволил обнять себя, но сам в ответ меня не обнял. Во время нашей получасовой беседы постоянно отводил взгляд. Поначалу, когда я сказала ему, что он неплохо выглядит, Бен бросил раздраженно:

– Мама, ты никогда мне не лгала... не начинай сейчас, пожалуйста.

Потом стал расспрашивать меня, как дела дома, как сестра поживает, «все еще сходит с ума по мистеру Спортсмену Республиканцу?» (меня порадовало, что присущая ему саркастичность никуда не исчезла), сообщил, что начал новую работу, но это не коллаж.

– Это картина в полном смысле слова. Больше никаких частей тела в композиции, никаких попыток воспроизвести автокатастрофу, где за рулем «порше» сижу я.

– Как Джеймс Дин[3 - Джеймс Дин (1931–1955) – известный американский актер, погиб в автокатастрофе, управляя спортивным автомобилем «Порше 550».], что ли?

– Моя мама – культурно образованный рентген-лаборант.

- Ну, не настолько уж и культурно образованный.
- Просто из всех, кого я знаю, никто не читает столько книг.
- Это скорее хобби...
- Ты бы попробовала писать, мам.
- О чем? Я в своей жизни не сделала ничего интересного или важного... разве что тебя с Салли вырастила.
- Это ты не обязана была добавлять.
- Но это так.

Бен коснулся моей руки:

- Спасибо.
- Вид у тебя немного усталый, - заметила я, понимая, что лучше сказать правду. Бен всегда раздражался, если чувствовал, что ему лгут.
- Я наконец-то снова засыпаю без снотворного.
- Доктор Аллен сказала, что ты еще принимаешь лекарства.
- Да, но уже не от бессонницы. Просто таблетки, помогающие мне быть счастливым.
- Такого лекарства нет, - сказала я.
- Это точно. - По губам Бена скользнула мимолетная улыбка.
- Но ты вроде бы окреп...

- Держусь...

- Ты сегодня сама любезность.

- А ты предпочла бы, чтобы я хамил? - Бен снова едва заметно улыбнулся. - Ты бы этого не вынесла.

- Я рада, что ты приходишь в себя, Бен.

- Прости, если я тебя напугал...

- Ты меня не напугал...

- Ну да, рассказывай...

- Ну, хорошо, да, я очень волновалась. И папа тоже...

- Но сегодня ты здесь одна.

- Папе на утро назначили собеседование, он устраивается на работу.

- Рад это слышать. А то последнее время он сам не свой...

- Ты несколько преувеличиваешь, Бен.

- Ничуть. И мы оба это знаем.

- Папа в душе хороший человек.

- Жаль только, что меня он ни во что не ставит и превозносит свою заводную дочь.

Перестанут ли когда-нибудь наши дети ревновать друг к другу? Неужели мы с Дэном так сильно напортачили с их воспитанием? Возможно ли вообще построить правильные отношения между родителями и детьми? Или это, как и в межличностных отношениях, вечная проблема?

- Он очень тебя любит, Бен.

- Но мы с ним не друзья.

- Вы подружитесь.

- Угу, непременно.

- По крайней мере, мы с тобой друзья, - сказала я.

Бен кивнул.

- Ты точно на меня не злишься? - спросил он.

- Я никогда на тебя не злюсь.

Этот разговор произошел в колледже пять недель назад. В тот вечер, вернувшись домой из Фармингтона, я отправила сыну сообщение по электронной почте, написав, что буду в его распоряжении в любое время дня и ночи, но пусть он не беспокоится: надоедать не буду.

«Живи в свое удовольствие и знай, что мне всегда можно позвонить - если понадобится, я буду с тобой через полтора часа».

Пять дней спустя я получила от Бена SMS-сообщение: «Не хочешь пообщаться?» Это было после четырех - буквально через несколько минут после того, как я ушла с работы, - я тотчас же ему позвонила, и мы проболтали почти полчаса. В разговоре мы ни разу не коснулись его психического состояния, лечения, приема лекарств, его чувств относительно девушки, из-за которой у него случился нервный срыв. Мы обсудили несколько фильмов, которые он только что посмотрел, биографию Марка Ротко[4 - Марк Ротко (1903-1970) - американский художник, ведущий представитель абстрактного экспрессионизма, один из создателей живописи цветового поля.] («Парень только и говорил об искусстве») и песню группы «Грин дей» («Знай своего врага»), которую он постоянно слушал («Наверно, я думаю о ней...» - сказал Бен с немалой долей иронии в голосе, что внушало надежду). Я ни разу не спросила, как у него дела, ибо, судя по его тону, он уверенно возвращался к нормальной жизни. Но к концу разговора, когда я

предложила звонить ему время от времени, Бен сказал: «Давай я сам буду связываться с тобой, хорошо?»

Разумеется, я сказала, что меня это вполне устраивает.

С тех пор я получала от Бена как минимум два SMS-сообщения в день – часто смешные/глубокомысленные («Думаешь, по-настоящему разбитые сердца встречаются только в кантри и ковбойских песнях?»), порой тревожные («Очень плохо спал. Сегодня сеанс у доктора Аллен»), иногда просто «привет». Два раза в неделю он звонил, но ни разу за все это время ни словом не обмолвился о том, что хочет приехать домой на выходные или увидеться со мной.

И вот...

Бип.

Я отвлеклась от мыслей, теснившихся в моей голове, пока я смотрела на море с мыса Пемакид, достала свой сотовый и прочитала:

«Мам, привет. Наконец-то захотелось развеяться на выходных. Думал, может, встретимся, например, в Портленде? Там идут два-три неплохих фильма. Поужинаем вместе. Как ты на это смотришь?»

Черт. Черт. Черт. Как раз на эти выходные я собиралась уехать из города – впервые за девять лет. Я написала ответ:

«Привет, Бен. Было бы здорово поужинать с тобой и сходить в кино... но в эти выходные я должна быть на конференции в Бостоне. Попытаюсь отпроситься...»

Бен тут же написал: «Ради меня – не надо».

«Это просто по работе, – отвечала я. – Ты для меня важнее любой конференции».

«Ты и так никуда не выбираешься, – возразил он. – Так что давай перенесем встречу на следующие выходные».

«Ну вот, я теперь чувствую себя виноватой», – призналась я.

«Ты всегда во всем себя винишь, мама, – написал он. – Съезди отдохни несколько дней – и не переживай из-за этого».

Я долго смотрела на последнее сообщение сына. И вспоминала фразу, которую обычно говорил мой отец о своих скромных возможностях: «Легко сказать».

Я была в таком состоянии, что замечание Бена меня очень расстроило. Все, что я могла ответить: «Легко сказать».

Глава 3

«...ты и так никуда не выбираешься...»

Уф.

Я понимала, что Бен не хотел обидеть меня, но мне было больно. Он озвучил неприятную истину.

Я вернулась к машине, вставила ключ в зажигание, выехала со стоянки, оставив за спиной океан, повернула налево и покатила по узкой извилистой дороге, тянувшейся мимо дачных домиков, которые по большей части сейчас были пусты, потому что осень вскоре должна была сменить темная суровая зима. Снова поворот – направо. Дорога стала спускаться с пологого холма. По обеим ее сторонам стояли дома – постоянные резиденции жителей полуострова. Принадлежали они, за редким исключением, школьным учителям, страховым агентам, местным пожарным, пенсионерам из числа моряков или бывших рабочих судостроительного завода в Бате, пытающимся прожить на пенсию и социальные пособия, хотя среди владельцев встречались также художники и рефлексологи из числа сторонников движения «нью эйдж»[5 - «Нью эйдж» (New Age – букв. «новая эра») – религии «нового века», общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера. Движение зародилось и сформировалось в XX веке, в процессе развития независимых теософских групп Великобритании и других стран. Наивысшего расцвета достигло на Западе в 1970-е гг.]. За этими домами – многие из них (как и мой собственный) не мешало

бы выкрасить заново – простирались широкие поля и шла магистральная дорога, ведущая на запад, в город. Упоминаю я все это лишь потому, что по данному участку дороги я езжу три-четыре раза в неделю с тех пор, как мы с Дэном перебрались сюда тринадцать лет назад. За исключением двух недель в год, когда мы с Дэном выезжали на отдых из нашего городка, Дамрискотты, Мэн был центром моей вселенной. У меня нет паспорта – лишь недавно эта мысль поразила меня. Единственный раз я выезжала из страны в 1989 году, когда училась на последнем курсе в Университете штата Мэн. Мы с Дэном тогда еще только встречались, и я уговорила его отправиться со мной на длинный уик-энд в Квебек-Сити. В ту пору еще можно было пересечь канадскую границу, имея при себе лишь водительские права. В Квебек-Сити проходил зимний карнавал. Всюду лежал снег. Улицы в старом городе вымощены булыжником. Нарядная архитектура. Все говорят по-французски. Никогда прежде я не видела ничего столь волшебного и чуждого нам. Даже Дэн был очарован, хотя поначалу иностранная речь, непривычный акцент заставляли его немного нервничать. Мы провели четыре счастливых дня в маленьком, весьма неприглядном на вид отеле, с узкой двуспальной кроватью, скрипящей под нами каждый раз, когда мы занимались сексом, но в целом для нас это была пора высокой романтики, и я абсолютно уверена, что именно тогда мы зачали Бена. Но еще до того, как мы узнали, что станем родителями – это известие изменило траекторию его и моей жизни, – Дэн пообещал мне, что мы всегда будем возвращаться в Квебек-Сити. А также посетим Париж, Лондон, Рио...

Одна из многих иллюзий молодости – это вера в то, что жизнь – сооружение открытой планировки, что твои возможности безграничны. Пока ты сам не решишь втиснуть себя в какие-то рамки.

Я сама пригвоздила себя к одному месту. Эта мысль не шла у меня из головы. Но, говоря по чести, я не сержусь на Дэна за это. В нашей семейной жизни много всяких проблем, но я не виню его в том, как сложилась моя судьба. В конце концов, строилась она не без моего участия. Меня никто не заставлял выходить за него замуж – это был мой выбор. Теперь я понимаю, что некоторые важные решения я принимала в тот момент, когда мой здравый смысл был не на высоте – и это в лучшем случае. Неужели так всегда? Неужели одно поспешное решение может изменить траекторию всей жизни?

Я часто слышу, как мои пациенты с запозданием сожалеют о каких-то своих поступках. Курильщики проклинаят тот день, когда они сделали первую затяжку. Страдающие ожирением недоумевают, почему они не могут встать из-

за стола, не наевшись до отвала. А есть воистину горемыки, которым не дает покоя вопрос, не является ли случаем опухоль – не имеющая прямого отношения к тому, что врачи называют образом жизни, – своего рода карой (небесной или другой какой) за плохое поведение, совокупность грехов или неспособность найти простое счастье в этой единственной жизни, что им дана.

Бывает, за один рабочий день в процедурной я выслушиваю множество исповедей. Обычно пациентов к откровенности принуждает смертельный ужас, страх перед неизвестностью. Почему я стала так остро реагировать на их признания? Не потому ли, что они непосредственно заставляют меня задуматься о том, как стремительно летит время, все быстрее и быстрее. Вот снова октябрь. Мне сорок два, и я в толк не могу взять, как случилось, что год просто взял и пролетел. Однажды, несколько лет назад, в разговоре с отцом (он преподавал математику в средней школе в Уотервилле) я упомянула о том, что одна из странных особенностей вступления в средний возраст состоит в том, что год пролетает буквально в три мгновения, и он на этот счет дал мне элегантное в своей простоте объяснение.

– Доживешь до моих лет... – начал он.

– Если доживу до твоих лет.

Ему тогда было семьдесят два.

– Да ты пессимистка. Должно быть, профессия обязывает. Ну, хорошо, я перефразирую. Если доживешь до моих лет... увидишь, что год пролетает в два мгновения. А если я доживу, скажем, до восьмидесяти пяти, год уложится, в лучшем случае, в одно мгновение. Почему так? Объяснение кроется в одной простой математической формуле, которая не имеет отношения к евклидовым принципам и больше связана с законом убывающей доходности. Помнишь, когда тебе было четыре, год, казалось, тянулся нестерпимо медленно, целую вечность...

– Конечно. Помню, я думала тогда: Рождество пришло и ушло, и следующего придется ждать целую вечность.

– Вот именно. Но дело в том, что тогда год составлял всего лишь одну четвертую часть твоей жизни. А теперь...

– Одну тридцать девятую.

– Или, в моем случае, одну семьдесят вторую. Это значит, что с возрастом время ужимается. По крайней мере, таково наше восприятие. У каждого человека оно свое. Опытным путем доказано, что время не растягивается и не ужимается. В сутках всегда двадцать четыре часа, в неделе – семь дней, в году – триста шестьдесят пять. Меняется наше восприятие скоротечности времени – и его растущей ценности как предмета потребления.

Отец. Он умер в прошлом году, медленно и неумолимо погружаясь во мглу болезни Альцгеймера. Годом раньше он еще мыслил абсолютно ясно. Так же ясно, как мама, пока четыремя годами ранее ее не убил рак поджелудочной железы, возникший буквально на пустом месте. Мои родители принадлежали к числу тех редких супружеских пар, которые, познакомившись в колледже, с тех пор никогда не расставались. История любви на все времена? Я определенно помню моменты в дни моей юности – особенно в подростковый период, – когда между ними были прохладные отношения. Помнится, отец намекал, что преподавание математики в одном из маленьких городков Мэна не та карьера, о которой он мечтал, будучи студентом выпускного курса и звездой математического факультета Университета штата Мэн. Но в Бангоре у отца жили престарелые родители, и он счел своим долгом отказаться от аспирантуры в Массачусетском технологическом институте и продолжить учебу в Университете штата Мэн, чтобы быть рядом с отцом и матерью. А потом, когда для него не нашлось профессорской должности в вузе, он устроился на работу в уотервиллскую школу.

Отец.

Мне повезло с родителями. Несмотря на те несколько лет натянутых отношений между ними, которые, тем не менее, в скандалы не выливались, – ни мама, ни папа не говорили об этом ни тогда, ни после, – я росла в относительно стабильной домашней атмосфере. И мама, и папа работали. У обоих были интересы вне их профессиональной деятельности: папа играл на виолончели в любительском струнном квартете; мама увлекалась историей рукоделия. Они оба воодушевляли и любили меня. И при мне никогда не обсуждали свои личные горести, переживания и семейные проблемы (лишь на четвертом десятке лет, изнывая под гнетом повседневных забот, поняла я, насколько потрясающе дисциплинированными были мои родители в этом вопросе). Да, отец мог бы

возглавлять кафедру в каком-нибудь университете и быть автором новаторских книг по теории бинарных чисел. Да, мама могла бы путешествовать по миру, как мечтала в молодости, – однажды она сама мне в этом призналась. Я также подозреваю, что она часто сожалела о том, что вышла замуж слишком рано и не знала никакой другой жизни, кроме той, что вела с отцом. И еще, через два года после моего рождения родителей постигло большое горе: у мамы была внематочная беременность, которая привела к печальным последствиям. Мало того что она потеряла ребенка, у нее развились осложнения, и ей пришлось удалить матку. Я узнала об этом лишь тогда, когда носила под сердцем Салли и до ужаса боялась выкидыша (мои страхи оказались беспочвенными). Вот тогда мама и объяснила мне, почему у меня нет ни братьев, ни сестер. Об этом я спрашивала ее много лет назад, но в ответ услышала: «Мы пытались – не вышло». Теперь, когда возникли кошмарные опасения, что у меня, возможно, внематочная беременность, мама открыла мне правду, а я недоумевала, почему она ждала так долго, чтобы рассказать мне о трагедии, которая, должно быть, перевернула всю ее жизнь и до сих пор не дает ей покоя. Мама видела потрясение в моих глазах, потрясение и обиду, а я силилась понять, почему она ни разу не поделилась со мной своим горем и почему отец – с которым, как мне казалось, у нас были доверительные отношения – действовал с ней заодно и не посвятил меня в важную семейную тайну. Будучи тем, кто я есть – да, Бен был прав, говоря, что я всегда стремлюсь облегчить жизнь близким мне людям, – я ни разу вслух не излила свою боль в те дни, после признания мамы. Будучи тем, кто я есть, я убеждала себя, что родители действовали из добрых побуждений, опасаясь, что это известие глубоко ранит меня и что у меня, благополучно появившейся на свет, даже может развиваться комплекс вины, узнай я об этом в юном возрасте. И все равно я места себе не находила. Впервые услышать такую страшную историю, когда тебе двадцать четыре... в общем, я пребывала в жутком смятении.

Дэн высказался прямо, по существу. И хотя изначально его реакция меня покорила, со временем я поняла, что он смотрел в корень, когда, поразмыслив с минуту, бросил:

– Теперь ты знаешь, что у каждого есть свои секреты.

Слабое утешение. Дэн никогда не поддавался эмоциям. Но на первых порах как супружеская чета мы жили в полнейшей гармонии. Денег было мало. У нас появились дети, и на нас как на родителей лежала большая ответственность. Мы справлялись. Оплачивали счета. Купили дом. Мы оба работали и при этом

самостоятельно растили двоих детей (лишь иногда привлекая приходящую няню или обращаясь за помощью к родителям). Мы не спали ночами, если дети мучились животиками, а на следующий день смеялись, вспоминая, как ругались в четыре часа утра. Конечно, нам не хватало свободы, и это угнетало. Но, хотя мы чувствовали себя немного зажатыми в своем тесном мирке, немного замотанными детьми и финансовыми обязательствами, в те годы, насколько я помню, в целом мы прекрасно ладили, благополучно обходили острые углы, в трудную минуту подставляли друг другу плечо, ничего не требуя взамен. Мы были вполне подходящей парой.

Подходящая пара. Звучит как-то уж очень прагматично, приземленно, неромантично. Впрочем, наши отношения никогда нельзя было назвать великой историей любви. Но и нельзя было обвинить нас в том, что в последний раз мы занимались сексом еще в период президентства Клинтона. Любовная близость была. Но еще до того, как Дэн потерял работу и стал отдаляться от меня, из наших сексуальных отношений исчезла страстность, мы больше не ощущали безудержного влечения друг к другу, которое так долго подпитывало нашу взаимную привязанность. Когда мы с Дэном познакомились, он производил впечатление человека надежного, уравновешенного, собранного, наделенного чувством ответственности, и эти качества привлекали (во всяком случае, меня). По характеру он сильно отличался от мужчины, который был до него...

Нет, не хочу думать о том... о нем... сегодня. Хотя, говоря честно, я думаю о нем каждый божий день. Особенно часто в последние два года, когда я стала понимать...

Стоп.

Я остановилась.

Стоп.

Что-то теряешь, что-то сам выбираешь.

Разве не так поется в какой-то песенке? Или как однажды заметил мой отец, мимоходом, в день своего семидесятилетия, выпавшего на выходные: «Жизнь – это вечная борьба с сожалением».

Значит, вот та цена, которую мы платим за возможность находиться на этой земле: раз за разом мы убеждаемся, что не оправдали собственных надежд? Что нас вполне устраивает спокойное существование?

Стоп.

Сегодняшнее утро мне четко продемонстрировало, во что превратился наш брак. Как всегда, в шесть прозвенел будильник. Дэн, сонный, потянулся ко мне. Я, хоть еще и не совсем проснулась, обрадовалась, почувствовав, как он обнял меня, стал задирает на мне длинную мужскую рубашку, в которой я всегда ложусь спать. Но потом, даже не пытаясь быть нежным, он взобрался на меня, целуя мой пересохший рот, овладел мною с грубой настойчивостью, через несколько мгновений тихо застонал, достигнув оргазма, скатился на постель и лег ко мне спиной. Когда я спросила, что его беспокоит, он, не поворачиваясь, нащупал мою руку.

– Ты можешь объяснить, что с тобой? – не унималась я.

– А что? – вопросом на вопрос ответил он, убирая с моей руки свою ладонь.

– Просто ты какой-то... встревоженный.

– Значит, по-твоему, я встревоженный?

– Не злись.

– Какой-то встревоженный. Это, конечно, не критика, да?

– Дэн, прошу тебя. Ты в своем уме?

– Вот видишь! Видишь! – взорвался он, вскакивая с кровати и направляясь в ванную. – И ты еще утверждаешь, что не критикуешь меня. А это что такое? Что бы я ни сделал, все тебе не так, все. Неудивительно...

Потом он вдруг сник и заплакал, пытаясь сдержать тихие сдавленные всхлипы. В мгновение ока я была на ногах, бросилась к нему, раскрыв объятия. Но он мимо меня пронесся в ванную и со стуком захлопнул за собой дверь. Слыша, что

он продолжает плакать, я постучалась и сказала:

- Дэн, открой, прошу тебя...

Он открутил краны, и вода заглушила остальные мои слова.

Позволь помочь тебе. Позволь быть рядом с тобой. Открой...

Из ванной доносился шум льющейся в раковину воды. Я вернулась в постель и очень долго сидела там, думала, все думала. Отчаяние струилось по моим сосудам, как химический краситель, который я каждый день впрыскиваю пациентам для выявления злокачественных новообразований.

Может, и во мне появилось что-то злокачественное? Раковая опухоль своего рода. Рак несчастья, развившийся вследствие неудавшейся карьеры и теперь метастазирующий во многих незаметных направлениях...

Вода в ванной все шумела. Я встала, подошла к двери, прислушалась: все плачет при открытых кранах? Только шум льющейся воды. Я глянула на часы: 6.18. Пора будить Салли, если только она сама уже не проснулась от нашего крика. Салли внешне никогда не показывала своих переживаний. Несколько недель назад, оказавшись поблизости в тот момент, когда мы с Дэном ругались, она лишь бросила развязно: «Здорово, что я родилась в такой счастливой семье».

Уф.

А были ли мы когда-нибудь счастливой семьей? Знаю ли я вообще хотя бы одну по-настоящему счастливую семью?

Я легонько постучала в комнату дочери, потом чуть приоткрыла дверь и увидела, что она еще крепко спит. Слава богу. Пусть поспит еще минут пятнадцать, решила я и пошла вниз варить кофе. Через несколько минут появился Дэн - в джинсах и трикотажной рубашке, со спортивной сумкой в руке.

- Пойду займусь спортом, - сказал он, стараясь не попадать в поле моего зрения.

- Хорошая мысль.

Он пошел к выходу:

- До вечера.

- Я буду дома как обычно. Только в семь у меня, как ты знаешь, наша с Люси еженедельная литературная беседа. А завтра...

- Да, в обед ты едешь в Бостон.

- Вечером я приготовлю еду на все выходные.

- Думаешь, я не умею готовить?

- Дэн...

- Сам приготовлю.

- Ты сердишься, что я еду в Бостон?

- С какой стати? Это же по работе, верно?

- По работе.

- Все равно на твоём месте я порвал бы со мной.

- Дэн...

- Не надо лишних слов...

- Ты меня беспокоишь.

Он остановился, повернулся ко мне лицом, но взгляд по-прежнему отводил. Потом приглушённым голосом произнес одно слово:

- Прости.

И ушел.

А я почти весь рабочий день пыталась не думать об утреннем инциденте, оставившем неприятный осадок в душе.

Теперь, спустя почти одиннадцать часов, – когда я сворачивала на дорогу, ведущую к дому, – меня вновь охватил страх. Страх, не исчезавший с того дня более полутора лет назад, когда Дэн вернулся домой с работы и сказал, что его уволили. В связи с экономическим спадом ежегодные продажи компании «ЛЛ Бин» упали на четырнадцать процентов. Руководство решило, что можно урезать расходы отдела информационных технологий, который отвечал за рекламу и сбыт продукции через Интернет, сократив двух работников, занимавшихся расширением объема продаж. Одним из этих работников оказался мой муж. Он проработал в «ЛЛ Бин» двенадцать лет и был уволен без объяснений, в срочном порядке, через четыре дня после Нового года. Нужно было видеть его лицо, когда тем вечером он вошел в дом... Казалось, он постарел на десять лет за те десять часов, что я его не видела. Сунув руку в задний карман, он вытащил письмо. Письмо. Уведомление, в котором черным по белому было напечатано, что работы у него больше нет, что компания сожалеет о необходимости прекратить их многолетнее сотрудничество и клятвенно заверяет, что «ему будет предложено щедрое выходное пособие» и «содействие нашего отдела кадров, который поможет вам найти новое место работы в самое ближайшее время».

– Шутники, – сказал Дэн. – Из тех, кого в прошлый раз уволили из моего отдела, никто не мог найти работу как минимум два года... а тем, кому удалось устроиться, пришлось для этого уехать из штата.

– Мне очень жаль. – Я хотела взять его за руку, но он отдернул ее прежде, чем я успела к ней прикоснуться.

Я промолчала, сказав себе, что Дэн по вполне понятным причинам сражен случившимся. Он не был очень уж нежным и ласковым мужем, но прежде от меня никогда так не шарахался. Я еще раз попыталась взять его за руку. Он вздрогнул так, будто я ему угрожала.

– Ну что ты лезешь? – внезапно со злостью воскликнул Дэн.

Теперь вздрогнула я. Посмотрела на него ошеломленно, с некоторым недоверием. Быстро замаскировала свое изумление, сменив тему разговора: осведомилась, что за «пособие» ему предложили. В принципе оно оказалось не таким уж плохим: полное жалование в течение полугода, полная медицинская страховка в течение года, бесплатные консультации по поиску работы. По крайней мере, у руководства компании хватило такта уведомить об увольнении после Рождества, и пострадал не один только отдел информационных технологий: на дверь указали примерно семидесяти сотрудникам разных служб. Но, едва Дэн произнес «полное жалование в течение полугода», у меня пронеслось в голове: плохи наши дела. Всего лишь три месяца назад мы взяли ссуду в размере сорока пяти тысяч долларов на обустройство дома, чтобы перестелить крышу и избавиться от сырости в подвале. Ремонт нам, конечно, заниматься не хотелось, но это было необходимо. Мы долго взвешивали все «за» и «против», сидя за обеденным столом, вели подсчеты на обратной стороне старых конвертов и в конце концов приняли решение. Крыша протекала, в подвале было сыро. Плесень наступала на нас и сверху, и снизу. Нам ничего не оставалось, как взять ссуду, хотя мы понимали, что новый долг ляжет тяжким бременем на наш семейный бюджет, и без того трещавший по швам. Ежемесячная выплата по кредиту за дом составляла 1200 долларов, учеба Бена в Университете штата Мэн обходилась в 15 тысяч долларов (и это не так много по сравнению с частными вузами, например колледжем им. Боудена), 250 долларов – аренда автомобиля, на котором Дэн ездил на работу (в моем распоряжении была старенькая двенадцатилетняя «тойота камри» с пробегом 133 тысячи миль, в которой требовалось срочно заменить коробку передач), 300 долларов в месяц – платежи за Бена и Салли по программе медицинского страхования моей больницы. Если мы возьмем ссуду на ремонт дома, нам придется отдавать ежемесячно в течение десяти лет еще 450 долларов – гнетущая перспектива. Сейчас на все обязательные платежи, вместе взятые, у нас в месяц уходило 3500 долларов. Дэн зарабатывал 43 тысячи долларов в год, я – 51 тысячу. После уплаты налогов наш совокупный доход составлял 61 тысячу долларов в год, 5400 в месяц. То есть на все остальные расходы – на коммунальные услуги, питание, одежду, дополнительные потребности Бена и Салли – у нас оставалось 1900 долларов. Из этих же денег мы кое-что откладывали на свой ежегодный недельный отпуск.

Я знала, что многие семьи в нашем окружении имеют гораздо меньший доход. Салли хоть и ныла постоянно, что мы вечно считаем гроши, все же приспособилась и стала покупать себе плееры и кричащие серьги на те деньги, что она получала, работая приходящей няней по выходным. На свои же деньги она сделала себе татуировку в форме бабочки (никаких вопросов!): однажды

явилась с ней домой после однодневной поездки с подругами в Портленд. Бен, напротив, никогда не просил ни цента. Он подрабатывал в колледже, смешивая краски и натягивая холсты на факультете изобразительного искусства. Он отказывался брать у нас деньги, кроме тех, что мы давали ему на жилье и питание в дополнение к ежегодной плате за обучение.

- В Фармингтоне я веду La Vie de Boh?me[6 - La Vie de Boh?me (фр.) - богемный образ жизни.], - сказал он мне однажды, когда я попыталась сунуть ему в руку сто долларов (мои сверхурочные за неделю). - Я могу питаться воздухом. Не хочу, чтобы вы остались без крыши над головой только потому, что ты дала мне сто баксов.

- Вряд ли это случится, - рассмеялась я.

Половину ссуды на ремонт дома мы решили погасить за счет выходного пособия Дэна. В подвале теперь было сухо. Еще Дэн за две тысячи долларов купил автомобиль «хонда цивик» 1997 года выпуска, который не разогнался быстрее 60 миль в час. Но он хотя бы был на колесах, пока я находилась в больнице. Жить на одну зарплату было непросто. После оплаты всех ежемесячных счетов у нас фактически не оставалось свободных денег. Дэн стучался в двери всех организаций и компаний на территории штата. Пожалуй, самое обидное во всей этой истории было то, что примерно через десять месяцев после увольнения из «ЛЛ Бин» Дэн выяснил, что компания снова ищет работника на его прежнюю должность. Естественно, он связался с начальником отдела кадров. Естественно, тот напел ему про то, что объемы продаж снова выросли и это позволило вновь расширить отдел, в котором недавно было проведено сокращение. Естественно, он также посоветовал Дэну вновь подать заявление о приеме на работу. Но в результате вместо Дэна взяли другого, который (опять-таки по словам начальника отдела кадров) оказался «более квалифицированным специалистом». А еще через три месяца Дэна не взяли в отдел информационных технологий администрации штата Мэн в Огасте, хотя он был абсолютно уверен, что его возьмут. Вот тогда-то он и начал метать громы и молнии. Возможно, ситуацию усугубило еще и то, что буквально два дня назад начальник отдела кадров компании «ЛЛ Бин» сообщил ему по телефону, что у них появилась вакансия, но на складе. Да, это должность помощника диспетчера. Да, через полгода будет восстановлена его медицинская страховка. Но ему предлагали жалование в размере тринадцать долларов в час - почти вдвое выше минимальной заработной платы, - то есть чистыми, после уплаты налогов, пятнадцать тысяч долларов в год. Дополнительные пятнадцать тысяч позволили

бы нам вздохнуть чуть свободнее и не влезть в долги (я всячески стараюсь этого избежать, но все идет к тому, что вскоре у нас не будет другого выхода). Благодаря этим деньгам мы также могли бы на Рождество на неделю арендовать у зятя Дэна квартиру в Тампе и всей семьей по-настоящему отдохнуть, греясь на солнышке. Конечно, Дэн все это понимал. Однако ему была ненавистна сама мысль работать на складе за половину того жалованья, что он некогда получал в этой же самой компании.

- Он будто кость мне бросил, - сказал Дэн мне в тот вечер, когда ему предложили работу. - Дрянной утешительный приз. А заодно избавил себя от угрызений совести из-за того, что уволил меня.

- Это не он тебя уволил, а начальство. Это оно принимало решение о сокращении штатов.

- Да, но грязную работу за них выполнил он.

- К сожалению, это его обязанность.

- Ты его защищаешь?

- Вовсе нет.

- Но ты хочешь, чтобы я туда пошел.

- Я не хочу, чтобы ты работал там, где тебе не нравится.

- Нам нужны деньги.

- Да, нужны. Но мы найдем способ удержаться на плаву...

- Ты хочешь, чтобы я согласился.

- Я этого не сказала, Дэн. Я попрошу в больнице дополнительные часы сверхурочно. Это даст нам еще двести пятьдесят долларов.

- И меня будет мучить чувство вины...

Я ехала по своей дороге. Это проселочная дорога, пролегающая примерно в миле от центра Дамрискотты. Дорога, петляющая по небольшой возвышенности, хотя агент по продаже недвижимости, когда вез нас посмотреть на дом, окружающий ландшафт назвал «холмистой местностью». Однажды я упомянула об этом Бену (мы говорили о том, что торговцы неизбежно приукрашивают свой товар), а он покачал головой и сказал:

- Наверно, будь ты кроликом, ты бы считала, что это «холмистая местность».

Дело в том, что береговая линия пролегла по горбатой возвышенности. И на том участке, с которого открывался чудесный вид на реку Кеннебек, жили юристы и врачи, работавшие в городе. А также один довольно успешный художник, относительно известный детский писатель и владельцы двух строительных компаний, монополизировавшие строительный рынок в этой части штата. Их дома представляли собой солидные, обшитые досками строения – обычно белого или густого красного цвета, – прекрасно ухоженные, стоящие в зелени, с внедорожниками последних моделей на подъездных аллеях. Положа руку на сердце, скажу, что у меня никогда и мысли нечестивой не возникало в отношении людей, которым повезло жить в этих чистеньких, элегантных домах. Положа руку на сердце, скажу, что каждый день, когда я проезжаю мимо этих домов на берегу реки, у меня невольно возникает мысль: «Было бы здорово, если б...»

Если б что? Если б я вышла замуж за богатого местного врача? Или, что более по существу, сама бы стала врачом? Это подспудно всегда меня гложет – и особенно не дает покоя в последнее время, – всякий раз, когда я проезжаю мимо этих завидных домов перед тем, как свернуть к своему куда более скромному жилищу. Неужели каждый человек по достижении средних лет начинает испытывать сожаление? Перед коллегами, перед детьми, перед все больше замыкающимся в себе мужем я всегда надеваю маску оптимизма. Доктор Харрилд однажды (два года назад, на вечеринке, которую организовали по случаю моего сорокалетия, что стало для меня сюрпризом) охарактеризовал меня как «самого оптимистичного сотрудника, который никогда не теряет присутствия духа». Все зааплодировали, я же застенчиво улыбнулась, думая: если бы вы знали, как часто я спрашиваю себя: «А так ли это?»

Напирай на позитив, отметай негатив, не падай духом, отвергай все, что между[7 - You've got to accentuate the positive, eliminate the negative, latch on to the affirmative, don't mess with Mr In-Between - популярная песня композитора Гарольда Арлена на стихи Джонни Мерсера, впервые исполненная в 1944 г.].

Раньше отец часто напевал мне эту песенку, ибо в тот умопомрачительный период, что зовется отрочеством, я нередко поддавалась унынию. Правда, учитывая, сколь часто я слышала в его исполнении эту задорную песенку, я подозреваю, что таким образом он заглушал в себе непреходящее чувство сожаления. Доктор Харрилд, однажды услышав, как я мурлычу себе под нос эти строки в ординаторской, сказал:

- Кому-кому, а уж тебе-то незачем говорить это себе.

Доктор Харрилд. Он тоже всегда пытается мыслить позитивно и искренне быть добрым. И пример его доброты - поездка, которая предстоит мне на выходных. На конференцию рентгенологов в Бостоне. Ну да, до Бостона всего лишь три часа езды на машине. То есть меня посылают не в такие завидные города, как Гонолулу или Сан-Франциско (которые я мечтаю однажды посетить). И все же последний раз я была в Бостоне... бог мой... должно быть, два года назад. На Рождество. Мы поехали туда с Беном и Салли за покупками. Посмотрели даже спектакль «Король Лев», который давала гастролирующая труппа. На ночь остановились в довольно приличном отеле близ площади Копли. Город был запорошен снегом. Освещенная праздничными огнями Ньюбери-стрит выглядела как в сказке. Бен и Салли были так счастливы, и я безумно радовалась за них. Пообещала себе, что найду деньги и начну путешествовать, буду выбираться куда-нибудь каждый год, ведь жизнь с ревом проносится мимо, и если я хочу увидеть Париж, Рим или...

Потом, через несколько месяцев, Дэн потерял работу. И осуществление мечты было отложено на неопределенный срок.

И все же спасибо доктору Харрилду. Он подарил мне полностью оплаченную поездку в Бостон. Мне выдали деньги на бензин. На две ночи в отеле. Даже \$300 наличными на расходы. На самом деле это доктора Харрилда пригласили на съезд рентгенологов, но его старший сын в воскресенье играл футбольный матч, а он хотел, чтобы от нашей больницы кто-то был на конференции, и, когда я выразила беспокойство по поводу того, что мне не по рангу (то есть я не врач) представлять нашу больницу, он отмахнулся от моих сомнений, заявив:

– О рентгенологии ты наверняка знаешь больше любого врача из тех, что будут там. И вообще, ты заслужила поездку за счет больницы, да и несколько дней отдыха от повседневной суеты тебе не помешают.

Может, таким образом он дал мне понять, что слышал о моих семейных «делах»? Вообще-то, ни в больнице, ни в городе я старалась никому не рассказывать о неприятностях Дэна – в этом плане я была крайне осторожна. Однако маленькие больницы и маленькие города полнятся слухами.

Не то чтобы доктор Харрилд был падок до сплетен. Но он был прав, говоря, что мне необходима передышка – пусть и короткая, всего на семьдесят два часа. Смена обстановки и все такое. К тому же... эта мысль пришла мне в голову несколько дней назад и ошеломила меня... впервые с тех пор, как родились Бен и Салли, я собиралась уехать куда-то одна.

Я сама позволила себе застрять на одном месте.

Но уже завтра я буду в дороге. Одна. И даже если я уже видела этот город и от него рукой было подать до места, которое я называла своим домом, путешествие есть путешествие. Временное избавление от проблем.

Я свернула на подъездную аллею. Косые лучи необычайно яркого осеннего солнца отражались от новой крыши нашего дома – двухэтажного, несколько приземистого, обшитого сероватой вагонкой. Я предпочла бы, чтобы обшивка была темнее, но местный маляр сказал, что обновление всего фасада (а его требовалось освежить) обойдется в девятьсот долларов, а такой суммы у нас не было. Еще я хотела бы благоустроить заросший участок земли перед домом площадью в пол-акра. Зато за домом рос восхитительный дуб, который в этот самый момент пылал, как жар-птица, в своей осенней красе. Иногда я думаю, что именно из-за дуба мы купили этот дом – приобретая его, мы знали, что это для нас временное жилье: вот подремонтируем дом, продадим и в конце концов переселимся в более приличное место.

Но хватит об этом (как я часто себе говорю). Здесь мы вырастили двоих детей. Это наш дом. Мы много работали, чтобы купить его. Мы продолжаем работать, чтобы не потерять его (хотя последняя выплата по кредиту уже через семнадцать месяцев... ура!). Это история нашей семьи. Только теперь я могу честно признаться себе, что душой никогда не тяготела к этому дому. И Дэн

тоже. Как же я жалею, что в свое время мы не отказались от его покупки.

Наш дом.

Об этом я думала, когда остановилась на подъездной аллее и увидела Дэна. С сигаретой во рту он сидел на скамейке, занимавшей большую часть крыльца. Заметив мою машину, он вскочил на ноги, словно нашкодивший мальчишка, бросил сигарету на крыльцо и затем, пытаясь скрыть «улики», носком ботинка спихнул окурок в траву. Дэн якобы не курил уже полгода, но я знала, что он выкуривает несколько сигарет в день... и он давно уже перестал оправдываться по этому поводу.

- Привет, - поздоровалась я с улыбкой, выбираясь из машины.

Он смотрел на меня сконфуженно:

- Это первая сигарета за всю неделю.

- Замечательно. Как прошел день? - спросила я.

- Устроился, - ответил он, уткнувшись взглядом в свои ноги.

В тот момент я испытала облегчение и ужасное чувство вины. Ведь Дэн, я знала, очень не хотел работать на складе. Знала и то, что он понимает: этот дополнительный доход поможет нам вздохнуть свободнее. Я попыталась взять его за руку. Он напрягся всем телом, чуть отпрянул, убрал руку за спину. Я помолчала, потом произнесла:

- Спасибо.

Глава 4

Мясной рулет. Дэн приготовил мясной рулет. По рецепту матери. В говядину положил три зубчика толченого чеснока, сам рулет смазал томатным соусом

«Хайнц» (несколько радикальный рецепт, не раз говорил он мне, для Бангора (штат Мэн) 1970-х... когда чеснок там считался ни много ни мало экзотической приправой). К мясному рулету он приготовил запеченный картофель и салат из свежего шпината. Купил бутылку австралийского красного вина «Джейкобс Крик» – «по словам парня из супермаркета», сообщил он мне, «вполне можно пить».

– Высокая оценка из уст парня из супермаркета, – заметила я. – Я крайне признательна тебе за все эти хлопоты...

– Я подумал, что нужно отпраздновать мое назначение.

– Да, пожалуй, это стоит отметить.

– Я знаю, в семь ты встречаешься с Люси...

– У нас час в запасе, если мясо будет готово к...

– Будет готово через пятнадцать минут.

– Прекрасно. Тогда, может, откроем вино?

Он откупорил бутылку, наполнил два бокала и один дал мне. Мы чокнулись.

– За твою новую работу, – сказала я.

– Вот уж не думал, что когда-нибудь буду пить за работу на складе.

– Это должность диспетчера...

– Помощника диспетчера.

– Все равно руководящая должность.

– На складе.

- Дэн...

- Да, да, знаю, для нас это решение многих проблем.

- И стартовая площадка для тебя. Я уверена, это временная...

- Прошу, перестань меня подбадривать...

- Лучше, если буду втаптывать в грязь?

Он улыбнулся. Я подошла к нему, обняла, поцеловала в губы и шепнула:

- Я люблю тебя.

Вместо того чтобы ответить на мой поцелуй, Дэн понурился. Через какое-то время буркнул:

- Рад это слышать.

Я попыталась приподнять его лицо за подбородок, но он стряхнул мою руку. Сказал:

- Посмотрю, что с картошкой.

Я оцепенела. Может, я посылаю не те сигналы? Может, мои слова он подсознательно истолковывает как унижительные, критикующие или...

- Я чем-то тебя расстроила? - услышала я свой вопрос, заданный вслух.

Дэн закрыл дверцу духовки, выпрямился и с удивлением посмотрел на меня:

- Я такое говорил?

- Ты не чувствуешь во мне опоры или от меня исходит негатив...

– Ну, зачем ты опять?

– Потому что... потому... – Меня душили всхлипы, и слова застревали в горле. – Потому что... я в растерянности.

То, что он сказал в ответ... этому у меня нашлось лишь одно определение: «немыслимо».

– Твои проблемы.

Всхлипы вырвались наружу. Я опустилась на стул и заплакала. Все, что я держала в себе многие недели, месяцы, внезапно стало извергаться из меня с безудержными рыданиями.

Появилась Салли.

– Очередной приятный вечер в кругу семьи, – сыронизировала она.

– Все нормально, это я так, – сказала я, с трудом подавив рыдания.

– Конечно. И у тебя все нормально, и у папы. И мы все любим друг друга. И все просто замечательно. Кстати, ужин я пропускаю.

– Но папа приготовил чудесный мясной рулет.

– Когда это мясной рулет был «чудесным»? В общем, мне только что позвонил Брэд. Его родители решили поужинать в бистро «Соло», в Бате, и меня пригласили.

– Поздновато уже, – сказал Дэн.

– С чего это? – спросила Салли.

– Твой ужин в духовке.

– Завтра доем, что останется.

- Извини, - сказал Дэн, - но я тебя не отпускаю.

- Это нечестно, - возмутилась Салли.

- Плохо, что ты так думаешь.

- Пап, ну что ты в самом деле? «Соло» - прекрасный ресторан...

- На этот счет сказать ничего не могу. Я там не бывал.

- Это потому, что последние полтора года ты без работы и вечно не в настроении...

- Салли... - одернула я дочь.

- А что? Это правда... будто сама не знаешь.

Молчание.

Дэн медленно нагнулся и снова поставил картофель в духовку. Потом, выпрямившись, повернулся к дочери и сказал:

- Хочешь ужинать с теми людьми - иди.

Салли обратила на меня взгляд, ища подтверждения словам отца. Я кивнула, и она выбежала за дверь. Я услышала, как к дому подкатил автомобиль, и, выглянув в окно, увидела, как Салли направляется к серебристому «мини» Брэда. Он вышел из машины, поприветствовал ее, поцеловал в губы. Она не отпрянула. В тот момент я прониклась абсолютной уверенностью, что они спят вместе. Не то чтобы это явилось для меня ошеломляющим откровением, ибо я подозревала, что они близки уже год. Полгода назад Салли попросила, чтобы я записала ее на прием к своему гинекологу - просто чтобы «провериться». Принимает противозачаточные или вставила спираль? Пожалуй, и то и другое лучше, чем беременность. Глядя на Брэда, такого высокого, стройного, лощеного на вид, и это в городе, где люди с лощеной внешностью - явление нетипичное, я только об одном могла думать: он разобьет ей сердце.

Я смотрела вслед отъезжающему автомобилю. Салли обняла Брэда, и они покатили навстречу закату. Сразу же вспомнилось то время, когда мне самой было семнадцать, я была полна надежд и планов, стремилась к успеху. Я взяла бутылку, плеснула в бокал еще немного вина. Как только Салли укатила, Дэн вышел на улицу и закурил еще одну сигарету. Вид у него был унылый. Когда я увидела, с какой тоской он смотрит на мир, мне до боли стало жалко его. И нас. А вместе с жалостью пришло осознание: он стал для меня совсем чужим.

Я накрыла на стол. Достала из духовки мясной рулет, запеченный картофель. Налила в чашу сметану. Потом постучала по стеклу кухонного окна. Дэн резко повернул голову, и я жестом позвала его в дом. Войдя на кухню, он глянул на накрытый стол и сказал:

– Ну, зачем ты? Я бы сам накрыл. Я ведь ужин готовил. Хотел освободить тебя сегодня от домашних дел.

– Мне это было не в тягость. И потом, я подумала, что тебе, наверно, нужно немного побыть одному.

– Прости, – сказал он. – Прости.

Дэн подошел ко мне, обнял меня. Головой уткнулся в мое плечо. Я почувствовала, как он содрогнулся, и подумала, что он расплачется. Но он, крепко обнимая меня, сумел сдержать свои чувства. Я тоже его обняла, потом взяла его лицо в свои ладони и сказала:

– Дэн, я на твой стороне.

Он напрягся всем телом. Я опять сказала что-то не то? А ведь я просто хотела своими словами поддержать его, выразить свою любовь. Неужели я теперь все говорю невпопад?

Мы сели ужинать. Я снова наполнила наши бокалы. Несколько минут за столом царил молчание. Наконец я нарушила его:

– Восхитительный рулет.

– Спасибо, – невыразительным тоном произнес Дэн.

И мы снова погрузились в молчание.

– На мой взгляд, это один из величайших современных романов об одиночестве, – говорила Люси. Она жестом показала официанту, чтобы тот принес нам еще два бокала шар-доне. – Особенно меня восхищает то, как блестяще здесь уложены в небольшой объем целых сорок лет жизни в Америке. Всего-то двести пятьдесят страниц... потрясающе...

– Да, меня это тоже поразило, – согласилась я. – Он умудрился в сжатой форме сказать очень много о двух сестрах и прожитых ими годах, да еще с такой описательной точностью. Это надо суметь.

– Да, одно из редких произведений, о которых без преувеличения можно сказать: здесь нет ни одного лишнего слова и с потрясающей пронизательностью показано, как люди убеждают себя, что их вполне устраивает жизнь, которая им не нравится.

– И к концу создается впечатление, что мы знаем этих двух женщин как самих себя. Ведь их поступки – это отражение наших собственных ошибок. На их примере мы видим, как отчаяние и разочарование накладывают отпечаток на нашу собственную жизнь.

– За это надо выпить, – сказала Люси.

Нам как раз принесли вино.

Мы с Люси сидели в кабинке «Ньюкасла» – вполне приличной местной таверны, где никогда не было так шумно, чтобы не слышать друг друга, – и вели литературную беседу. Правда, «литературная беседа» – слишком уж официальное название для этой еженедельной встречи, подразумевающее соблюдение определенных правил. На самом деле, хоть мы с Люси и встречались по четвергам вот уже больше года, с тех пор как обе покинули литературный кружок (атмосфера на занятиях стала действовать нам на нервы), следовали мы единственному принципу: первую часть беседы посвящали роману, который

договорились прочитать на минувшей неделе. Да, да, каждую неделю мы читали новый роман, хотя, когда какое-то время назад взялись за «Братьев Карамазовых», дали себе месяц на то, чтобы осилить этот гигантский труд. Было еще одно правило: мы по очереди выбирали книгу для обсуждения и никогда не вторгались на территорию того, что Люси однажды окрестила «литературной комфортной зоной» каждой из нас. По правде говоря, в том, что касалось книг, у нас с ней были довольно схожие вкусы. Мы обе не признавали фэнтези и научную фантастику (хотя прочитали, по моему предложению, «Марсианские хроники» Рэя Брэдбери, и обе пришли к выводу, что эта книга скорее об американском обществе середины XX столетия, а вовсе не о внеземных цивилизациях). Не привлекали нас и слащавые любовные романы. Сразу выяснив, что в книгах мы обе ищем подсказки для выхода из собственных тупиковых ситуаций, мы выбирали главным образом произведения, в которых были отражены сложности повседневного бытия (не считая «Братьев Карамазовых» – моя идея – и «Радуги тяготения», предложенной к прочтению Люси). В общем, мы тяготели к романам о семейных проблемах («Домби и сын», «Братья Карамазовы»), а также о финансовых («Как мы теперь живем»), социальных («Американская трагедия», «Бэббит»), супружеских («Война Тейтов», «Супружеские пары», «Госпожа Бовари»). Каждый раз часа по полтора мы увлеченно обсуждали ту или иную книгу, но кроме того, эти встречи по четвергам (неминуемо растягивавшиеся до трех часов) позволяли нам обмениваться свежей информацией о том, что Люси однажды изящно обозвала «нашими текущими погодными условиями». Речь идет о всякой всячине, являющейся постоянным наполнением нашего повседневного существования.

Люси на год старше меня. Умнейшая женщина. Она окончила колледж имени С. Смит, вступила в Корпус мира, преподавала в таких суровых странах, как Гамбия и Буркина-Фасо (я и не знала, где они находятся, пока не посмотрела на карте), потом год путешествовала по миру. По возвращении в свой родной Бостон влюбилась в докторанта Гарвардского университета Бена Брэдфорда. Защитив диссертацию, Бен устроился преподавателем истории США в колледж имени Колби. Люси прошла переподготовку по специальности библиотековедение и нашла работу в этом же колледже. Потом у нее одна за другой случились две неудачные беременности. Первого ребенка она потеряла на третьем месяце, второго (что еще более прискорбно) – на восьмом, после чего ей сделали экстирпацию матки. Потом ее муж, с которым она не так давно сочеталась браком, сбежал с коллегой (учительницей танцев). Ей попался неудачный адвокат, и при разводе она осталась ни с чем. Люси решила, что ей невозможно оставаться в Колби – по очевидным причинам, – погрузила в десятилетнюю «тойоту» свой нехитрый скарб и отправилась в Дамрискотту, где

устроилась библиотекарем в местную среднюю школу. Ей было тридцать шесть, когда она приехала сюда, и я с ней познакомилась в библиотеке в центре города, где она подрабатывала по выходным. Мы быстро подружились. Люси – единственный человек на свете, с которым я могу быть откровенна, и она тоже знает, что может говорить со мной практически обо всем. Дэн с ней всегда любезен и относительно приветлив, тем более что Люси обычно проводит у нас часть Рождества (близких родных у нее нет). Но он относится к ней с некоторым подозрением, поскольку знает, что она мой союзник. И чувствует, что мне известно то, что Люси думает, но никогда не произносит вслух: мы с Дэном не подходим друг другу. Это одно из неписанных правил нашей дружбы: мы рассказываем друг другу все, чем считаем нужным поделиться. Помогаем друг другу советами, если кто-то из нас в них нуждается. Но никогда не выказываем своего отношения к личным обстоятельствам друг друга. Например, Люси два года встречалась с совершенно непотребным типом по имени Дэвид Робби, который, воображая себя писателем, сбежал от неудачного брака и неудавшейся карьеры в рекламном бизнесе и, благодаря родителям, имел достаточно денег на то, чтобы погубить себя. В прибрежной части Мэна полно беглецов из крупных городов вроде Дэвида, которые потерпели неудачу в личной жизни или на профессиональном поприще (или в том и другом) и приехали в наш уголок Северо-Восточной Атлантики в надежде обрести новые возможности. Только беда в том, что в Мэне жизнь скучна и однообразна. Работы здесь мало. Зарботки невысокие. Да, у нас красиво – восхитительные в своей первозданности морские пейзажи, зелень, просторы, дающие ощущение изолированности и удаленности от всего света (особенно зимой), – но здесь человек предоставлен сам себе и может рассчитывать лишь на собственные силы. И Дэвид – внешне обаятельный, но явно неустроенный в жизни – был абсолютно не тот мужчина, который мог бы составить счастье моей подруги. Тем не менее, на несколько месяцев он помог ей отвлечься от тяжелых мыслей о разводе, выкидышах и гистерэктомии, сгладил боль, вызванную расставанием с мечтой о материнстве (хотя лично у меня Дэвид вызывал чувство гадливости). Но я ни слова ей не сказала против него. А Люси никогда не высказывалась о Дэне. Мы обе, не сговариваясь, решили, что всегда готовы выслушать друг друга, но не будем доказывать очевидные истины, касающиеся нашей личной жизни. Правильно ли это? Думаю, наше доверие было взаимным именно потому, что мы воздерживались от ранящих замечаний. Мы обе знали, какие у каждой из нас проблемы, и щадили чувства друг друга.

Правда, сегодня мы обсуждали «Пасхальный парад» Ричарда Йейтса – роман, принадлежавший к числу тех глубоко проникновенных произведений, которые поражают вас душераздирающими (и ошеломляюще точными) зарисовками

психологического состояния человека.

– Я где-то читала, что Ричард Йейтс, помимо того что был алкоголиком, еще страдал и маниакальной депрессией, – сказала Люси.

– Не в его ли биографии, что вышла несколько лет назад и была восторженно встречена критикой? – спросила я. – Там говорится, что даже во время запоев – а он почти постоянно был в запое – Йейтс умудрялся вымучивать по двести слов в день.

– В творчестве он явно искал спасения от суровой реальности.

– Или, может быть, таким способом пытался осмыслить весь тот бред, что наблюдал в самом себе и в окружающих его людях. Знаешь, как называется его биография? «Беспощадная откровенность».

– Это, бесспорно, определяющее достоинство «Пасхального парада». В романе с шокирующей откровенностью показана несчастная судьба Сары и Эмили Граймз.

– И гениальность книги в том, что Эмили не изображена унылой или жалкой, даже после того как она спилась. Однако Йейтс четко дает понять, что сестрам, кроме самих себя, некого винить в собственных разочарованиях.

– Его гуманизм и понимание человеческой природы прослеживаются в каждой строчке. Как ты сказала, мы все знаем этих женщин, потому что они – отражение нас самих. Но знаешь, что думает сидящее во мне злое дитя: представь, если б эту книгу мы обсуждали в литературном кружке вместе с Нэнси Донован.

– Да уж... – протянула я.

Из-за Нэнси Донован мы с Люси и покинули литературный кружок, который обе посещали почти полтора года. Нэнси под пятьдесят. Она всегда улыбается, всегда дружелюбна, пока ты не скажешь что-то такое, что не совпадает с ее боговдохновенным видением мира. Да, Нэнси религиозна, она утвердилась в вере после перенесенных испытаний. Об этом она объявила в первый же день, как пришла на занятие нашего литературного кружка. И упоминала на каждом семинаре, который шел вечерами по четвергам полтора часа. Например:

– Как человек, ощутивший присутствие Господа в своей жизни...

Или:

– Я говорю как человек, чья жизнь изменилась после того, как я почувствовала Исцеляющую Длань Господа на своем плече.

На что Люси, наделенная насмешливым умом, ответила:

– А когда ко мне Иисус обратился впервые, я стояла в очереди в одном из банков Льюистона. И если Иисус и впрямь может снизойти до такой дыры, как Льюистон, значит, для человечества еще не все потеряно.

Также оказалось, что Господь шептал Нэнси на ухо в тот день, когда ей делали операцию по удалению матки, о чем она сочла своим долгом всем нам сообщить.

– Это означало, что у меня будет не семь детей, как мне хотелось, а только пять. И это трагическое известие... когда я осознала весь ужас... я бы не вынесла горя, если б меня неожиданно не поддержал Господь. Внезапно появившись, Он сказал мне, что я выдержу испытание и буду вечно жить в Доме Божиим, если признаю Его своим Спасителем.

Все эти внутренние переживания Нэнси Донован и их взаимосвязь с Иисусом выплыли наружу (я понимаю, что во мне говорит злость), потому что в то время мы читали «Американскую трагедию». Встал вопрос о нежелательных беременностях, о том, что они приводят к убийствам, обставленным как несчастные случаи. Разумеется, Нэнси принялась поносить сторонников аборт и на все лады расхваливать своих пятерых отпрысков, говоря, что «те, у кого нет детей, лишены благословения Господа и...».

– Радуйтесь, что у вас так много детей, – сказала я, думая: ей ведь все известно про обстоятельства Люси. Известно и то, что политические взгляды Люси далеки от убеждений последователей «движения чаепития»[8 - «Движение чаепития» (Tea Party movement) – консервативно-либертарианское политическое движение в США, возникшее в 2009 г. как серия протестов, скоординированных на местном и национальном уровне и вызванных в том числе актом 2008 г. о чрезвычайной экономической стабилизации и рядом реформ в области медицинского страхования.]. Унитаризм Люси Нэнси считала слишком прогрессивным,

недоктринальным и двусмысленным в сравнении со своим евангельским фанатизмом. Она много говорила о «сострадании» и «христианской совести», а сама была ханжой, любила читать нравоучения.

– Вы думаете, я не благодарна? – возмутилась Нэнси.

– Я думаю, вы не должны кичиться тем, чего нет у других.

– Вы обвиняете меня в заносчивости? – спросила она.

Тут уж Люси не выдержала:

– Лора просто пытается вам объяснить, что нельзя ныть по поводу того, что вы не можете родить шестого ребенка, перед людьми, которые вовсе не могут иметь детей.

Воцарилась звенящая тишина. Потом Нэнси вскочила со стула, подошла к Люси и, плача, стала умолять ее о прощении, приговаривая, что она понятия не имела, какую боль причиняет, и что Господь, наверно, «очень сердится» на нее за то, что она «не думает о других» и...

Люси, надо отдать ей должное, высвободилась из объятий Нэнси и сказала просто:

– Извинения приняты, Нэнси.

– И спасибо, что подставили другую щеку.

Люси на мгновение оцепенела, потом, сердито глянув на Нэнси, ответила:

– Я не подставляла.

Чуть позже в тот же вечер – сидя в «Ньюкасле», куда мы с Люси обычно заходили выпить после литературного кружка, – мы с ней решили, что Нэнси Донован наконец-то довела нас до ручки и на семинары мы больше ходить не будем. Так начались наши собственные литературные диалоги, которые мы всегда вели в одной и той же угловой кабинке таверны (персонал настолько

привык к нашим еженедельным посещениям по четвергам, что даже стал резервировать для нас один и тот же столик). С тех пор мы редко вспоминали о Нэнси, но сегодня Люси сама заговорила о ней.

– Наверно, я слишком сурово с ней обошлась, – призналась она после того, как заметила, что Нэнси долго разглагольствовала бы о распаде личности, если бы ей довелось обсуждать роман Йейтса.

– Ты меня знаешь, – сказала я. – Я в каждом стараюсь видеть хорошее. Но этой женщине ее собственная праведность застит глаза. И жестокая она.

– Это все так. Но тут в выходные я увидела ее в библиотеке. Она сидела в уголке у полок с романтической литературой и плакала. Я подошла, обняла ее, и Нэнси как прорвало. «Три дня назад моей младшей сестре диагностировали рак легких четвертой степени. Она живет в Массачусетсе. В Лоренсе – это такой унылый город. Разведена. Детей нет. Работает в местном „Таргете“. Денег хватает лишь на то, чтобы платить за квартиру. В жизни у нее две радости: любимые телевизионные шоу и сигареты. Знаете, что она сказала мне, когда вернулась от онколога? „Жаль, что я не верую в Бога, как ты. Через восемь-десять недель я предстану перед Господом – вот и все, что мне осталось, по словам доктора“».

– Бедная Нэнси, – произнесла я. – И как ты отреагировала?

– Сказала, что мне жаль ее сестру, но я убеждена, что вера придаст ей силы пережить эту ужасную трагедию. И знаешь, что ответила мне Нэнси Донован? «Мне говорили, что у меня на все есть ответы. А сейчас у меня одни только вопросы». Потом она быстро обняла меня и поспешила прочь. Думаю, историю с Нэнси я вспомнила сегодня благодаря «Пасхальному параду». Эта книга так сильно зацепила меня, потому что в ней показано, как люди карабкаются по жизни, совершенно не понимая того, что с ними происходит. Общаются с людьми, которых знать не желали бы, на работе и дома делают то, что им не нравится, и никак не могут взять в толк, почему же их душит отчаяние. Именно это в конце книги и говорит Эмили мужу своей племянницы: «Мне почти пятьдесят, и за свою долгую жизнь я так ничего и не поняла»[9 - Ричард Йейтс. «Пасхальный парад». Перевод Сергея Таска. Издательство: «Азбука-классика», 2009 г. Гл. 3.]. И эта непреложная истина – квинтэссенция всего романа. В жизни не бывает простых решений. Все сплошь путаница и неразбериха.

– То есть Нэнси расстроена и обескуражена – помимо известия о том, что она скоро потеряет сестру, – тем, что ее вера, как она выяснила, идет вразрез с конкретной реальностью.

– И нет ничего более конкретного и ужасного, чем диагноз рака четвертой степени. На это нет простых ответов.

– А нам ведь всем нужны ответы?

– Ты говоришь с унитарием, – сказала Люси. – Мы молимся «тем, кого это касается».

– А знаешь, что меня особенно привлекает в епископальной церкви, помимо великолепных англиканских хоралов? Ее учение гласит, что вера в самом человеке, а не в церковных доктринах. Никаких тебе установок свыше. Никакого ветхозаветного Господа, который давал коленкой под зад, если ты не верил в Его верховенство. Беда в том, что те, кто исповедует религию, допускающую осмысление, ни в чем не знают определенности.

– Тебя это раздражает?

– Если честно, да, порой это выбивает из колеи – сама идея, что есть только настоящее, а дальше – ничего, неизвестность. Бог свидетель, я пыталась верить в загробную жизнь – это одна из составляющих учения епископальной церкви. Но в моем представлении потусторонний мир – это скорее поэтический образ, фантазия, так сказать, а не абсолютная Божественная истина. Поэтому я не уверена, что встречу кого-то из знакомых после смерти. И мне кажется, что Нэнси, усомнившись в своей вере, задает себе тот же самый повергающий в уныние неприятный вопрос: если нет жизни после смерти, как же найти смысл в этом далеком от совершенства бытии, что зовется жизнью?

– На это уж точно никто и никогда не даст окончательного ответа. Но у меня есть вопрос относительно другого, не менее важного дела: Дэн устроился на работу?

Я кивнула.

- Что ж, это радует, - сказала Люси.

- Его - нет. Хотя я его не уговаривала, не принуждала... но он ведет себя так, будто я давила на него.

- Это потому, что его гложет чувство вины, ведь он очень долго сидел без работы. Ну и ему ненавистен сам факт, что не оставалось ничего другого, как согласиться на это место.

Я уткнулась взглядом в бокал с вином:

- Если б все было так просто. У меня такое чувство, что мы с ним вместе потерялись. Логическая несообразность, да? Вместе нельзя потеряться. С другой стороны...

- Таких, как вы, много. Ты предлагала вместе сходить к психоаналитику?

- Конечно. Но для Дэна сама мысль посвятить в наши проблемы третье лицо - это позор. В любом случае, я знаю только один брак, спасенный психоаналитиком...

- И то только потому, что они заключили договор о совместном совершении самоубийства.

Я невольно рассмеялась. Громко.

- Ты невыносима, - сказала я.

- Точнее, реалистка.

- Я не хочу развода.

- Но и не хочешь, чтобы продолжалось так, как сейчас.

- Нет. Но... как бы это сказать? Я не знаю, как мне быть потом. Допустим, я уйду, а дальше что?

– Будешь, как я. Женщина сорока с небольшим лет, живущая одиноко в маленьком городке штата Мэн. Будь я стервой, уговорила бы тебя бросить его, чтоб ты стала такой, как я. Одиночкой. Гадала бы, что уготовило тебе будущее. Думала бы: может, попытать удачу в большом городе – в Бостоне или Чикаго или где-нибудь в «солнечном поясе»[10 - «Солнечный пояс» – штаты Юга и Юго-Запада, которые отличаются теплым климатом, быстрым ростом экономики и населения за последние три десятилетия и зачастую политическим консерватизмом.]. Почему бы нет? Можно возить за собой свой багаж всюду, куда ни поедешь. Так что, полагаю, по сути, вопрос следует ставить...

– Я знаю, как нужно ставить вопрос, – перебила я Люси.

– А ответ на него ты знаешь?

Я снова уставилась в свой бокал с вином.

– У меня много ответов – и ни одного, – наконец ответила я.

– То-то и оно.

– Значит, завтра у тебя знаменательный день, – сказала Люси, когда мы вышли из таверны.

– Поездка на конференцию рентгенологов в близлежащий Бостон – это не путешествие в Париж.

– Все равно погуляешь пару деньков, развеешься.

– Еще скажи, что, оторвавшись от дома, я сумею более объективно оценить ситуацию...

– Это вряд ли. Скорее уж по возвращении ты окажешься в еще большем раздрае, потому что на пару дней отвлеклась от своих проблем. Такова жизнь.

Люси обняла меня.

– Знаешь, чего я хочу больше всего? – спросила она. – Чего-то неожиданного. Два-три сюрприза не помешали бы.

– Сюрпризы не возникают ниоткуда – их нужно искать.

– Да ты у нас философ, Лора.

– Нет. Я – жена, мать и рентген-лаборант, работаю с девяти до пяти сорок девять недель в год. Это – моя жизнь.

– И если б я сказала тебе: могло быть и хуже...

– Я бы тебя возненавидела и согласилась с тобой.

Когда я ехала домой, зажужжал мой мобильник, сигнализируя о том, что пришло сообщение. Должно быть, от Бена. В такой час никто другой не шлет мне сообщений. Я не трогала телефон, пока не припарковалась на нашей подъездной аллее. В окнах дома было темно. Только в холле на нижнем этаже горел свет. Мы всегда его оставляли как признак того, что в доме кто-то есть, а в последнее время еще и для детей, если они возвращались поздно. Кстати, чуть раньше вечером я получила SMS-сообщение от Салли: «Переночую у Брэда. Рано утром зайду за школьными вещами».

«Переночую». Какой невинный эвфемизм взяли на вооружение школьники. Умно. Вне сомнения, родители Брэда понимают, что сегодня моя дочь будет спать в постели их сына, причем не «просто спать». С другой стороны, через девять месяцев Салли восемнадцать. Я в ее возрасте спала со своим парнем. Так что, пожалуй, я не вправе упрекать ее за то, что она «ночует» у Брэда. Однако Салли впервые открыто заявила о своей половой активности, и сдается мне, она в конце концов решила – после стычки с отцом сегодня вечером – не скрывать свои подлинные отношения с Брэдом. По крайней мере, от меня, ибо я сомневаюсь, что Дэн у она написала то же, что и мне. Как и многие отцы, Дэн болезненно относится к тому, что она больше не папина невинная дочка... хотя с некоторых пор Салли перестала быть папиной дочкой.

Я ответила дочери: «В семь тридцать еду в Бостон. Надеюсь увидеть тебя до отъезда. Люблю. Мама». Я отослала сообщение и, когда текст исчез с дисплея, вывела на экран сообщение Бена:

«Вот интересно, существует ли вообще настоящая любовь? Ответы читай на открытке на моем новом сайте: stradaniyayunogoverteravmene.com. Пытаюсь писать картину. Не очень получается. Сегодня не звони. Всю ночь буду в мастерской, попробую заставить себя что-нибудь сотворить. Б ххх»

Я улыбнулась: какой у меня потрясающе образованный сын, знает такое программное произведение немецкого романтизма. Я набила ответ:

«Надеюсь, ты не зря проторчишь в студии всю ночь. Что-нибудь да получится – не сегодня, так завтра. Главное, не будь слишком строг к себе. Легко сказать, я знаю. Но это необходимо. У тебя сейчас трудный период. Не требуй от себя слишком много».

Я тотчас же стерла последние два предложения, ибо мне сразу вспомнились его слова: «Я знаю, что у меня трудный период, и я всегда требую – и буду требовать – многого от себя... поэтому не говори, чтобы я не переоценивал свои силы». Воспитание детей – дело очень тонкое. Нужно уметь вовремя промолчать или воздержаться от совета, который прозвучит как банальность или окажется бессмысленным, как пластырь, которым пытаются залепить огромную рану. Возможно, со временем свою несчастную первую любовь Бен будет воспринимать как неизбежный этап взросления, но пока еще он не окреп душой. И если сказать ему, что через пять лет он со смехом будет вспоминать свои нынешние переживания, это может привести к противоположному результату. Я перефразировала концовку:

«Главное, не будь слишком строг к себе. Легко сказать, я знаю. Но это необходимо. Знай, что я всегда рядом, если понадобится. Люблю. Мама».

Я хотела добавить, что надеюсь увидеть его дома на следующей неделе, но снова нажала на тормоза, подумав: он, пожалуй, решит, что я давя на него. Если я не стану звать его домой, больше вероятности, что он приедет.

Я глянула на часы: почти десять. А мне в семь утра выезжать. Я вошла в дом. Дэн убрал со стола, запустил посудомоечную машину, всюду навел порядок. Я

погасила свет в холле и стала подниматься наверх, надеясь, что Дэн уже спит и не будет задавать вопросов о местонахождении дочери. Я тоже нуждалась в отдыхе. День выдался трудным. А разве бывают легкие дни? Разве каждый божий день не подбрасывает нам под ноги что-то такое, что меняет ритм жизни или просто напоминает нам, что в жизни не все идет так, как нам хотелось бы?

С другой стороны, а что мы хотим от жизни? На этот важный, зачастую волнующий вопрос многие отвечают лозунгами: счастья, чтобы было кого любить, жить без страха, денег, секса, свободы, чтобы ничего ужасного не случилось с моей семьей, признания... Все это правильно. Но покажите мне человека, который получил бы от жизни именно то, чего он хотел. Я наблюдаю это постоянно на примере своих пациентов, ожидающих результатов обследования. Их глаза наполнены ужасом и надеждой. Чувством, что судьба, возможно, только что обманула их. Потребностью верить в то, что есть спасение от смерти...

Довольно.

Открыв дверь спальни, я увидела, что мой муж спит, крепко обнимая подушку, и мне невольно подумалось, что для него это своего рода ночной спасательный круг, удерживающий его на плаву. Дэн неожиданно застонал, потом резко вскрикнул, будто его что-то напугало. Я бросилась к нему, чтобы успокоить. Но пока я бежала к кровати, он уже повернулся на другой бок и снова погрузился в глубокое забытие. Я села и, поглаживая его по голове, подумала: в самом лучшем из миров он сядет, обнимет меня и скажет, что мы счастливы. Неудивительно, что мы все любим сказки со счастливым концом, в которых принцессу не съедает дракон... или (что было бы еще хуже) она не доживает свои дни в печали и одиночестве.

Завтра я отправляюсь в путешествие. На несколько дней сбегу от действительности. Заведу короткую интрижку с эскапизмом.

Но я не хочу убегать. Я хочу...

Еще один вопрос, на который у меня нет ответа.

Дэн снова застонал во сне, крепче стиснул подушку. И меня вдруг придавила усталость.

Все, гаси свет. Закрывай дверь в минувший день. И поплотнее.

Пятница

Глава 1

Дорога. Как же я люблю дорогу! По крайней мере, меня вдохновляет сама мысль о дороге. Летом того года, когда мы с Дэном переходили на последний курс Университета штата Мэн, мы с ним сели в его древний (но все еще прекрасно бегающий) «шевроле» и покатали на запад. Предельная скорость автомобиля не превышала семидесяти пяти миль в час. Кондиционера в салоне не было, а температура везде не опускалась ниже тридцати трех градусов. Мы не роптали. У нас с собой были две тысячи долларов и впереди – три месяца до возвращения на восток к началу нового учебного года. Мы ночевали в дешевых мотелях. Питались главным образом в дешевых закусочных. Мы постоянно съезжали с автострад на двухполосные дороги с щебеночно-асфальтовым покрытием. Четыре дня провели в Рапид-Сити (Южная Дакота), просто потому что нам понравился этот удивительный город Дикого Запада. На одной из дорог местного значения в дебрях Вайоминга, на Rt 111, наш автомобиль сломался, и (поскольку мобильных телефонов в то время еще не было) нам пришлось три часа ждать, пока кто-нибудь не проедет мимо. Этим кем-нибудь оказался парень на пикапе с пирамидой для винтовок. Мы остановили его, и он сорок миль тащил нас на буксире до ближайшего пункта цивилизации. Механиком там был семидесятилетний старик, не выпускавший изо рта сигарету «Лаки страйк». Он настоял, чтобы мы поселились в одной из комнат над его мастерской, где мы пробыли два дня – именно столько времени ему понадобилось на то, чтобы починить распределительный вал в двигателе – сложная работа, которая в любом другом месте обошлась бы нам в тысячу долларов, а он с нас взял всего пятьсот. Экономя на всем, чем только можно, – к тому же бензин в то время стоил чуть больше доллара за галлон, – мы сумели добраться аж до Сан-Франциско, потом назад, на восток, поехали через пустыню и Санта-Фе. В этот город мы оба влюбились.

– Давай поселимся здесь, когда я окончу свой медицинский институт, – предложила я, представляя, как мы живем в глинобитном домике (с бассейном) на плато в окрестностях города, я – преуспевающий врач-педиатр, мои пациенты – дети художников и последователей религий «нового века», которые сидят на макробиотической диете, едят музыку для гамеланов, пьют зеленый чай с Джорджией О’Киф[11 - Джорджия О’Киф (1887–1986) – художница, одна из наиболее известных представительниц современной живописи США. Автор абстрактных произведений, символика которых навеяна миром природы, в частности пустынями штата Нью-Мексико, где она жила с 1949 г.] и...

– Если только ты не будешь поить меня зеленым чаем и кормить одной лишь чечевицей, – сказал Дэн.

– Нет, мы там поразим всех своей экстравагантностью. Будем есть мясо, курить (Дэн в то время выкуривал по две пачки в день). Не будем увлекаться магическими кристаллами и астрологией. Хотя, я уверена, мы там встретим много молодых типчиков вроде нас. Санта-Фе, как мне представляется, одно из тех мест, что привлекают беглецов со всей страны – людей, которые хотят убежать от прессы и возможностей больших городов. Здесь мы могли бы жить по-настоящему хорошо. Эй, это же Запад. Бескрайняя ширь. Бескрайнее небо. Никакого тебе дорожного движения.

Конечно, Дэн со мной согласился. Конечно, не прошло и года, как все эти несбыточные мечты рассеялись. И то наше чудесное путешествие на колесах от побережья до побережья, за время которого я по-настоящему оценила размах, перспективы и просто-таки сумасшедшие просторы своей страны, был нашим единственным дорожным романом.

Дорога.

У каждого из нас есть свой клочок земли, верно? Особенно у тех, кто трудится с девяти до пяти и редко отваживается выбраться куда-то дальше своего дома или места работы. И сегодня утром, направляясь на юг, я видела привычную картину.

Мейн-стрит. Центр Дамрискотты. Летом сюда приезжают туристы. Исконно рыбачий поселок штата Мэн. Много дощатых строений. Строгие старинные церкви. Несколько приличных ресторанов (без особых изысков). Пара мест, где

можно купить три сорта сыра из козьего молока и затейливое английское печенье, которое мне не по карману. И еще – провинциальные адвокаты, страховщики, врачи, наша больница, три школы, шесть молитвенных домов, один супермаркет, приличный книжный магазин, отличный маленький кинотеатр, где раз в месяц проходит трансляция спектаклей из «Метрополитан-опера» (я всегда хожу на них с Люси, хотя билет стоит \$25), и вода, всюду вода, куда ни кинь взгляд. И над всем этим витает присущий Мэну дух независимости, которым пронизаны многие аспекты здешней жизни. Наше кредо: «Я не лезу в твою жизнь, ты не лезь в мою; будем взаимно вежливы и уважительны и не будем критиковать друг друга вслух». Что любопытно: нам известна почти вся подноготная наших соседей и знакомых, но мы умудряемся внешне изображать безразличие, и этим здешняя жизнь мне особенно импонирует. Чужие неприятности вызывают у нас живой интерес – качество, свойственное всем людям, – но мы не обсуждаем их с каждым встречным, чем очень гордимся. И эта дихотомия – отличительная черта жителей штата Мэн.

Из Дамрискотты – в Ньюкасл, оттуда по шоссе № 1 – в Уискассет. Меня бесит дурацкий указатель, что стоит на южной границе городка: «Уискассет – самый красивый поселок Мэна». Полагаю, меня раздражает и претенциозность этого заявления, и то, что оно соответствует действительности: Уискассет и впрямь самый красивый поселок в штате Мэн. Выросший вокруг широкой бухты на атлантическом побережье, он фактически не тронут временем. Обшитые досками нескладные белые здания столь поразительно живописны – особенно на фоне воды, – столь аутентичны, что кажется, будто вы перенеслись в эпоху колонистов. По выходным в июле и августе городок наводняют туристы, но в остальное время года этот прибрежный уголок Мэна просто восхитителен. Однако, как и все в штате, Уискассет скромн, не кичится своим дивным очарованием... если б еще не этот хвастливый указатель.

На юге Уискассета два-три унылых торговых пассажа, супермаркет и «Макдоналдс» – куда ж без него, – открывшийся примерно год назад. Дальше лес, постепенно подступающий к завоевываемой суше воде, и мост, ведущий в Бат. Этот мост, перекинутый через широкое русло реки Кеннебек, не устает поражать меня своей эффектностью. Каждую неделю я, наверно, раза два езжу по нему туда-обратно (это более двух тысяч поездок в один конец за последнее десятилетие – интересно, задумывалась ли я раньше об этом огромном количестве?). Если ехать на юг, посмотрев влево, вы увидите судостроительный завод, один из подлинно индустриальных центров в штате, где в данный момент строятся как минимум два боевых корабля для ВМС США. Но верфь занимает лишь небольшой участок обширного побережья, которое в остальном сохраняет

свой первозданный вид. Судостроительный завод в Бате – экономический оплот нашего региона, и мне импонирует сам факт, что в нашем уголке штата еще строят корабли. Но я люблю, проезжая по мосту, смотреть направо, на ширь реки Кеннебек, особенно в это время года, осенью, когда листва пестрит фантазмагорическими красками – всеми оттенками багрянца и золота.

Будь я картографом XV века, на моей карте земля была бы плоская, а крайней ее точкой стал бы Брансуик, поскольку я редко выбираюсь в более отдаленные места. Брансуик – университетский город. Там находится колледж имени Боудена. До недавнего времени в Брансуике размещалась авиабаза военно-морского флота. Когда-то на берегу реки находился целлюлозно-бумажный комбинат, но его давным-давно закрыли. Помнится, в детстве, проезжая через Брансуик, я всегда ощущала необычный едкий запах клея, которым, казалось, был пропитан город. Брансуик мы посещали два-три раза в год, поскольку в колледже имени Боудена преподавал математику друг детства отца, Арнольд Соул. Отец и Арнольд росли в небольшом городке, вместе посещали факультативные занятия по математике, где и подружались. Но отец пошел учиться в Университет штата Мэн, потом выбрал карьеру школьного учителя, а Соул добился стипендии в Массачусетском технологическом институте, по его окончании защитил докторскую в Гарварде. К двадцати восьми годам он уже получил должность профессора в колледже имени Боудена и писал жутко умные книги по теории бинарных чисел (его специализация), которые, по словам отца, были широко востребованы «в сообществе математиков-теоретиков». Арнольд оказался геем, в чем он признался моему отцу, когда они были гораздо моложе, а в ту пору такое признание могло навсегда испортить ему жизнь. Отец, со своей стороны, хранил секрет друга, и Арнольд поведал мне об этом много лет спустя, когда я собиралась вместе с Люси приехать в колледж на концерт камерной музыки. Но Люси слегла с гриппом и в последний момент отказалась ехать. И тогда я позвонила этому большому другу семьи и пригласила его на концерт. Было это пять лет назад. В начале девяностых Арнольд наконец-то перестал скрывать свою сексуальную ориентацию и открыто жил с проектировщиком по имени Эндрю, который был моложе его на двадцать лет. Арнольду в то время уже исполнилось семьдесят, он только что вышел на пенсию. Он печалился, что ему пришлось бросить преподавание, хотя без дела он не сидел: работал над гигантским проектом, рассчитанным на десять лет, – писал (как он мне сказал) доступную историю математической теории со времен Евклида. Арнольд мне всегда нравился, я видела в нем интересного, чуткого дядюшку, которого у меня никогда не было (зато были две придирчивые тетушки со стороны отца и матери). В тот майский вечер пять лет назад, когда мы беседовали с ним за ужином в итальянском ресторане на Мейн-стрит, перед

тем как пойти на концерт гастролирующего пианиста из Нью-Йорка, исполнявшего в актовом зале колледжа возвышенную музыку Скарлатти, Равеля и Брамса, он прямо спросил меня:

- Ты довольна своей жизнью, Лора?

Вопрос Арнольда обескуражил меня. Это не укрылось от его внимания.

- Вполне, - ответила я с некоторым вызовом в голосе - защитная реакция.

- Тогда почему мой вопрос тебя испугал?

- Я его не ожидала, только и всего.

- Твой отец говорит, что тебя считают специалистом высочайшего класса в своей области.

- Отец преувеличивает. Как вам известно, я всего лишь включаю-выключаю сканирующее устройство в небольшой местной больнице. Великое достижение.

- Но это очень значимый квалифицированный труд. Видишь ли... а я говорю это как человек, который знает тебя с пеленок... меня всегда удивляло, что ты недооцениваешь себя. И может быть, это не мое дело, но я все же скажу, ведь ты еще молодая женщина, у тебя большие возможности...

- У меня двое детей-подростков, муж, ипотека, куча счетов. Так что мои возможности весьма и весьма ограничены.

- Тебе виднее. Дело в том, что у каждого из нас гораздо больше возможностей, чем мы готовы признать. Вот, например, я: всегда хотел жить в Париже, преподавать жутко трудную для понимания математику в пединституте, совершенствовать свой французский, закрутить роман с каким-нибудь чудесным французом, семье которого принадлежит один из замков Луары. Да, знаю, все это звучит слишком банально - красивые мечты математика-гея. А что вышло? Я сижу здесь, мне семьдесят лет, и все, что я себе позволил, - это одна неделя летом в Городе Света[12 - Городом Света называют Париж, так как прежде он считался центром просвещения, искусства, философии.] с Эндрю (ему я не

рассказывал про свою фантазию о французском любовнике). Разве я хоть раз провел там свой годовой академический отпуск или хотя бы трехмесячные летние каникулы? Отнюдь. И знаешь, что я думаю? Мне кажется, в глубине души я все еще уверен, что не заслужил права жить в Париже. Ужасно, да? И Эндрю – я считал, что и его я не заслуживаю, когда мы познакомились, но, слава богу, он рассудил иначе – теперь настаивает, чтобы в следующем году, когда ему удастся взять отпуск, мы провели там полгода. Он уже подыскивает для нас квартиру. И я наконец-то тоже начал склоняться к этой мысли.

– Слава богу, – похвалила я, заметив, что тискаю на коленях салфетку.

– Да, но мне понадобилось пятьдесят лет взрослой жизни, чтобы наконец-то прийти к заключению, что я заслуживаю счастья. В связи с чем у меня напрашивается вопрос: когда ты начнешь думать, что заслуживаешь счастья?

– Я вполне счастлива, Арнольд.

– Ты напоминаешь мне своего отца. Он мог бы учиться в Гарварде, или Чикаго, или Стэнфорде, или любом другом престижном университете – он ведь во многом был лучше меня. И тебя, я знаю, приняли в Боуден, но ты выбрала Университет штата Мэн.

– Вы же знаете, почему я остановила свой выбор на нем. Там мне предложили полную стипендию. А здесь – только половину. Мне пришлось бы брать ссуду...

– Ссуду – в случае поступления на медицинский факультет – ты вернула бы через пять лет после получения диплома. Говоря это, я понимаю, что переступаю...

– Пожалуй, – согласилась я, думая: если бы вы знали, как часто за минувшие годы я корила себя за то свое юношеское неверное решение.

– Извини, – сказал Арнольд. – Я просто хочу, чтобы ты не повторяла моих ошибок...

– Боюсь, говорить об этом слишком поздно. Знаете, я все же предпочла бы сменить тему...

– Конечно-конечно.

Ужин мы доедали в напряженной атмосфере, беседа не клеилась, мы оба были настороже, омраченные неловким разговором, который только что произошел между нами. Потом мы ходили на концерт, но я не слышала ни ноты, поскольку все, что сказал мне Арнольд, крутилось у меня в голове. Тем более что он, к сожалению, был прав, прав во всем, и в том, что касалось денег, тоже. После концерта друг моего отца проводил меня до машины. Он был явно расстроен, шел опустив голову.

– Ты простишь глупого старика за безрассудную попытку дать тебе совет?

– Конечно. – Я слегка обняла его.

– Вот и хорошо, – тихо произнес он, понимая, что в наших отношениях произошел надлом. – Не пропадай, ладно?

– А вы не ищите повода, чтобы не поехать в Париж.

– Постараюсь.

Больше мы с Арнольдом не общались. Два месяца спустя однажды утром он проснулся с болью в груди – и меньше чем через полчаса скончался в результате окклюзии коронарной артерии. Такова жизнь. Сегодня ты на этой земле – живешь, работаешь, радуешься, печалишься. Потом, откуда ни возьмись, что-то возникает и кладет конец твоему существованию. И это всегда так страшно, такая внезапная смерть. Так несправедливо. И так ужасающе типично.

Брансуик. Граница, которую я редко пересекаю. Мой мир – тридцать миль от Дамрискотты до Брансуика.

И вот...

Портленд.

Наш единственный большой, в полном смысле этого слова, город в штате Мэн. Действующий порт. Центр деловой активности. Гастрономический рай. Будь мне

двадцать пять лет и реши я начать жизнь в большом городе, но вдали от вводящих в стресс и переполненных амбициями мегаполисов, таких как Нью-Йорк, Лос-Анджелес или Чикаго, я бы наверняка в первую очередь подумала о Портленде. Бену особенно нравится то, что он называет «портлендские флюиды: урбанистская богема Мэна». Полагаю, думая о своем будущем, он воображает себя в складском помещении возле доков, где он живет просто, но имеет огромную просторную мастерскую и вполне преуспевает как художник, зарабатывая и на оплату своих счетов, и на финансирование своего творчества. «Я не хочу ехать ни в Нью-Йорк, ни в Берлин, – признался он мне недавно. – Просто хочу жить в Мэне и заниматься живописью». И поскольку это откровение прозвучало вскоре после того ужасного периода в его жизни, я не стала ему говорить, что, на мой взгляд, ему, как художнику, просто необходимо на несколько лет уехать из Мэна.

Однако если он поселится в Портленде... конечно, я только «за», хорошо, если он будет жить в часе езды от нас. И у меня будет повод наведываться сюда чаще, а мне следовало бы чаще бывать в этом городе. Ну и поскольку Дэн теперь снова начнет зарабатывать, может быть...

Нет, давай не думать ни о чем таком в эти выходные. На сорок восемь часов объявляю мораторий на любые мысли о семейных проблемах.

Что может быть проще...

Кеннебанкпорт. Летняя резиденция семьи Буш. Я голосовала за Буша-старшего, но поддержать младшего не смогла себя заставить. Он напоминал мне студентов из числа сынков богатых родителей, которых я всегда сторонилась в колледже, только он был еще богаче и мстительнее. Мне всегда нравился пляж Кеннебанкпорта – необычайно рельефный дикий участок Атлантического побережья, разительно контрастирующий с самим ухоженным городком – местом проживания состоятельной элиты. Когда-нибудь я хотела бы жить прямо у моря. Чтобы каждый день, просыпаясь, видеть перед собой водную ширь. И отдыхать душой, глядя на воду, что бы вокруг ни происходило.

Я глянула на часы. Надо же, как незаметно бежит время под музыку Моцарта, транслируемую по «Радио штата Мэн», – 36-ю симфонию, Линцскую. Ведущий программы рассказал, что в 1781 году, в понедельник, Моцарт вместе с женой появился на пороге дома графа Линцкого. И последний, зная о привычке Моцарта залезать в долги, обещал заплатить ему кругленькую сумму, если

композитор к пятнице напишет симфонию для придворного оркестра. За четыре дня написать и оркестровать симфонию! Да такую, которую исполняют спустя двести тридцать лет. Что такое гениальность? Помимо всего прочего, видимая легкость при создании великих творений? Есть в этом некая загадочность, ведь любое подлинно серьезное произведение искусства должно вырваться в голове автора, стать результатом напряженных мучительных усилий. Несмотря на помехи в радиоэфире, которые начались сразу же, едва я пересекла мост, соединявший Мэн с Нью-Гэмпширом, я продолжала с наслаждением слушать симфонию, покоренная ее глубоким лиризмом и мастерством Моцарта, умевшего выразить светлое и темное в одной музыкальной фразе.

Нью-Гэмпшир – всего лишь полоса автострады здесь, на этом участке автомагистрали I-95. Потом Массачусетс – и окраина Бостона, заявившего о себе рекламными щитами, торговыми пассажами, закусочными, стриптиз-барами, магазинами по продаже садовой мебели, бесконечной чередой автосалонов и дешевых мотелей. Конференция проводилась в «Хэмптон-Инн» на шоссе № 1, всего лишь в нескольких милях от аэропорта имени Логана. Я заранее посмотрела на отель в Интернете – и знала, что это большая гостиница при аэропорте, с конференц-залом. Я увидела бетонное здание. Безликое. Неинтересное. На него даже внимания не обратишь, пока рядом не остановишься. Неважно, что оно большое, приземистое, железобетонное и уродливое с той стороны, с которой открывалось моему взору. Для меня это было желанное прибежище на пару дней. Даже безобразное кажется прекрасным, если оно олицетворяет собой временное спасение от обыденности.

Глава 2

Ковер с цветочным узором. Флуоресцентные лампы. Бетонные стены, выкрашенные в казенный кремовый цвет. И длинная стойка регистрации с облицовкой из дешевого шпона, над которой висят часы, показывающие время в Лондоне, Чикаго, Сан-Франциско и, конечно, здесь, в Бостоне. Это был вестибюль гостиницы «Хэмптон-Инн» при аэропорте им. Логана. Картина не обнадеживающая, тем более что перед стойкой уже выстроилась огромная очередь.

– Должно быть, все рентгенологи, – сказал стоявший передо мной мужчина.

- Должно быть, – улыбнулась я.

- Повелители рентгеновских лучей, – произнес мужчина и покачал головой. – Ха, звучит прямо как в произведениях научной фантастики тысяча девятисот пятидесятих годов. Хотя вас в пятидесятих еще на свете не было...

- Приятно, что вы так думаете.

- Я бы сказал, что вы родились в в восьмидесятом.

- Теперь вы мне льстите.

- То есть я ошибся?

- Примерно на одиннадцать лет.

- Печально.

- Вас разочаровал мой возраст?

- Нет, собственная неспособность его определить, – ответил он.

- Это существенный недостаток?

- В моей работе – да.

- И чем же вы занимаетесь?

- Ничем особенно интересным.

- Серьезное заявление, – заметила я.

- Но это так.

- И все же?

- Оформляю страховки.

Я отступила на шаг и окинула взглядом страхового агента.

Среднего роста - примерно метр семьдесят пять. Относительно подтянутый - всего лишь с намеком на округляющееся брюшко. Волосы седые, но не редящие. Очки в металлической оправе с прямоугольными стеклами. Темно-синий костюм - не слишком дорогой, но и не дешевый. Голубая сорочка. Шелковый галстук. Обручальное кольцо на указательном пальце левой руки. В одной руке портплед фирмы «Самсонайт», рядом на полу - большой черный портфель, наверняка забитый бланками полисов, ожидающих, когда их заполнят, как только он найдет подходящих клиентов. На вид - лет пятьдесят пять. Не красавец, но и не обрюзгший, не слишком потрепанный жизнью, не считая седины.

- В нашей жизни без страхования никуда, - сказала я.

- Отличный рекламный лозунг.

- Думаю, вы гораздо лучше умеете рекламировать свою работу.

- Теперь вы мне льстите.

- И где вы заключаете договоры?

- В Мэне.

Я просияла:

- Это мой родной штат.

Теперь он заулыбался, спросил:

- Вы там родились и выросли?

- Точно. Слышали про Дамрискотту?

– Я живу милях в двадцати оттуда, в Бате...

Затем я сообщила ему, где росла, упомянула про учебу в Университете штата Мэн.

– Я тоже выпускник этого университета, – признался он, и мы быстро выяснили, в каком общежитии жил каждый из нас на первом курсе. Мой знакомый сказал, что он специализировался в области предпринимательской деятельности.

– А я изучала биологию и химию, – сообщила я.

– Слишком заумно для меня. Так вы врач?

– Почему вы так решили?

– Две научные конференции, съезд рентгенологов в этой гостинице, куча ваших коллег, мешающих мне заселиться.

Последнее предложение он произнес с улыбкой. Я поняла, к чему он клонит: перед нами очередь из пятнадцати человек, за стойкой работают всего двое, а значит, нам предстоит поторчать здесь какое-то время.

– В общем, вы решили, что я рентгенолог, – подытожила я.

– Вычислил методом дедукции.

– То есть я похожа на рентгенолога?

– Я знаю, что я сам похож на страхового агента.

Я промолчала.

– Да, так и есть, – подтвердил он.

– Вам нравится ваша работа?

- В ней есть свои прелести. А вам нравится быть рентгенологом?

- Я всего лишь рентген-лаборант.

- Рентген-лаборант - очень важная профессия.

Я пожала плечами. Мужчина снова мне улыбнулся:

- В какой больнице?

- В региональной больнице штата Мэн.

- Seriously? А вы работали там, когда отделением заведовал доктор Потхолм?

- Доктор Потхолм и принял меня на работу.

Мужчина улыбнулся, протянул мне руку:

- Ричард Коупленд. - Он вручил мне свою визитную карточку.

Я пожала ему руку. Рукопожатие у него было крепкое. Рукопожатие коммивояжера. Я убрала в карман его визитку. Представилась.

Ричарду Коупленду был присущ непринужденный стиль общения. Но в том, что касалось жестыкулляции и мимики, он был крайне осторожен, будто пытался побороть некую физическую робость. Я видела, что он рассматривает меня, но при этом все время отводит взгляд, словно смущается своей дерзости. Мы вели оживленный разговор, но в то же время держались настороже. Я назвала бы его волокитой, который испытывает неловкость, флиртуя с женщиной. А это, вне сомнения, был флирт - флирт между двумя незнакомыми людьми, которые застряли вместе в длинной очереди и знают, что через пятнадцать минут навсегда разойдутся в разные стороны.

- Мама говорила мне, - продолжала я, - что выбор стоял между двумя именами: Лора или Сандра. Отец отдавал предпочтение последнему, но мама была уверена, что тогда меня все будут звать Сэнди.

– А Сэнди сразу напоминает Калифорнию, да?

Тут уж я рассмеялась:

– Забавно, что вы это сказали. Когда мне было тринадцать, папа упомянул, что меня чуть не назвали по-другому, но «мама ненавидела имя Сандра». И когда я поинтересовалась у нее, чем же это имя ей так не угодило, мама сказала, что Сэнди – имя «для серфисток».

– Слова патриотки штата Мэн.

– О, мама прекрасно бы себя чувствовала и в Колонии Массачусетского залива[13 – Колония Массачусетского залива (Massachusetts Bay Colony) – английское поселение в Северной Америке. Основано в 1629–1630 гг. в междуречье рек Мерримака и Чарльза большой группой пуритан (около тысячи человек).].

Ричард Коупленд взглянул на меня с удивлением. Мне даже показалось, что он вздрогнул.

– Я что-то не то сказала? – спросила я.

– Да нет. Просто не каждый день можно услышать, как кто-то упоминает о массачусетской колонии.

– Многие из нас в школьные годы читали «Алую букву».

– И мало кто вспоминает теперь этот роман.

– Ну, не скажу, что он есть в моем «Киндле»... Впрочем, электронной читалки у меня тоже нет.

– Предпочитаете бумажные книги?

– Предпочитаю книги как таковые, чтобы можно было в руки взять. А вы?

– Боюсь, я поддался всеобщему ажиотажу. Читаю с «Киндла».

- Это не смертный грех.
- Там у меня сейчас загружено двадцать книг.
- И что вы в данный момент читаете?
- Не поверите, если скажу.
- А вы попробуйте. Так что за книга?

Он покраснел. Уткнулся взглядом в свои начищенные до блеска черные туфли из дубленой кожи.

- «Алую букву» Натаниэля Готорна.

Я пыталась сохранить невозмутимый вид. Не получилось: я побледнела. Проронила:

- Случайное совпадение.
- Я не лгу.
- Не сомневаюсь.
- Могу показать вам свой «Киндл», если не верите...
- Нет-нет, не надо.
- Теперь, я уверен, вы думаете, что я с приветом.
- Или что у вас своеобразный вкус. «Алая буква», Гестер Прин[14 - Гестер Прин - главная героиня романа «Алая буква» Н. Готорна.], все такое.
- Тем не менее это был и есть великий роман.

– И довольно прозорливый, если принять во внимание ту волну религиозности, что накрыла нашу страну.

– Прозорливый, – повторил Коупленд, артикулируя каждый звук, будто впервые произносил это слово. – Красивое слово.

– Да, красивое.

– Я во многом не согласен с тем, за что ратуют правые христиане, но вам не кажется, что в некоторых вопросах они правы?

Этого только не хватало. Убежденный республиканец.

– В каких, например? – спросила я.

– Хотя бы в том, что необходимо сохранять семейные ценности.

– Многие семейные люди верят в семейные ценности.

– Пожалуй, тут я с вами в полной мере не могу согласиться. Возьмем хотя бы статистику разводов...

– Лучше вспомним то время, когда добиться развода было трудно, когда супруги были пленниками ненавистного им брака, когда никто не имел абсолютно никаких перспектив, когда женщина должна была отказываться от карьеры, стоило ей забеременеть, когда она превращалась в изгоя общества, если осмеливалась отвернуться от мужа и детей.

Я осознала, что повысила голос на пару децибелов. И также заметила, что Ричард Коупленд несколько опешил, пораженный страстностью моего тона.

– Я не хотел вас обидеть, – сказал он.

– Обычно я не столь агрессивна.

– Вы не агрессивны. Пылкая речь – это да. Хотя я и во многом с вами не согласен.

Последнюю фразу он произнес, уткнувшись подбородком в свой галстук, словно пытался избежать горячего спора, который сам же и развязал. Мне это не понравилось. Его поведение я восприняла как этакое застенчивое высокомерие. Хочешь возразить – возражай, но только не уткнувшись носом в свою рубашку, черт возьми.

– Меня это не удивляет, – ответила я.

– Нет, я имел в виду...

– А знаете что? По-моему, сейчас самый подходящий момент, чтобы закончить разговор и просто сказать: приятных выходных.

– Мне неловко, право. Я вовсе не хотел...

– Думаю, вы это переживете.

За стойкой регистрации сидела молодая женщина в темно-бордовом костюме и желтой блузке, с беджиком на пиджаке, сообщавшим, что ее зовут Лора.

– Привет, Лора. А мы с вами тезки, – доложила она, внимательно изучив мои водительские права.

– Здравствуйте, Лора, – сказала я, надеясь, что поприветствовала ее не очень сухо.

– И как у нас сегодня дела?

– Любопытный день.

Она выразила удивление – видимо, ожидала другого ответа.

– Полагаю, любопытный день лучше, чем скучный, как вы считаете?

– Полностью с вами согласна.

– Посмотрим, удастся ли мне превратить ваш «любопытный» день в хороший, если я предложу вам поселиться в более дорогом номере, чем тот, что у вас заказан. Без доплаты. Верхний этаж, большая двуспальная кровать, вид на бассейн. Как вам такой вариант?

Не без труда, но я выдавила улыбку. Как-никак она старалась мне угодить.

– Возражений нет. Спасибо, – поблагодарила я.

Чтобы увидеть бассейн, нужно было высунуться в открытое окно. При этом сразу начинала сильно кружиться голова, потому что вы смотрели прямо на внутренний дворик с покрытием из шлакоблоков. К тому же при открытом окне в комнату тут же врвался шум и смрад дорожного транспорта, хотя окна выходили на тихую сторону отеля, с более приличным видом. Так что, мельком глянув вниз и вдаль – автозаправки, автостоянки, – я закрыла окно, отгородившись от внешнего мира. Села на кровать. Глянула на часы. Двенадцать минут третьего. Открыла папку участника Ежегодной региональной конференции рентгенологов Новой Англии. Нашла в нем свою нагрудную визитку и программу конференции. Первое заседание – в три часа. «Новые горизонты в области технологии сканирования». Почему у меня такое унылое настроение? Может, это как-то связано с неприглядностью комнаты, с интерьером, который не обновляли уже лет двадцать? Ковер с цветочным узором, на нем – блеклые пятна от кофе. Цветастое покрывало на кровати, такие же цветастые шторы, будто я попала в богадельню. В санузле ванна из формованного пластика, на занавеске проступает плесень. Не ной, ты здесь только на выходные – точнее, на две ночи. Но ведь это единственные две ночи за весь год, которые я проведу вдали от семьи. Будь у меня деньги, я бы тотчас выписалась из этого сарая, добралась до Бостона и устроилась там в каком-нибудь милом отеле близ парка Бостон-коммон. Но это абсолютно мне не по карману, совершенно. Не падай духом... наслаждайся свободой, радуйся, что тебе выпала возможность несколько дней пожить в свое удовольствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/duglas-kennedi/pyat-dney/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

В переводе Сергея Долгова

2

Зд. маршмеллоу – легкие пористые конфеты в форме подушечек из яичных белков, кукурузного сиропа и желатина. Поджариваются на палочке на открытом огне; используются также как кулинарный компонент в салатах, десертах, густых кремах, сладких пастах.

3

Джеймс Дин (1931–1955) – известный американский актер, погиб в автокатастрофе, управляя спортивным автомобилем «Порше 550».

4

Марк Ротко (1903–1970) – американский художник, ведущий представитель абстрактного экспрессионизма, один из создателей живописи цветового поля.

5

«Нью эйдж» (New Age – букв. «новая эра») – религии «нового века», общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера. Движение зародилось и сформировалось в XX веке, в процессе развития независимых теософских групп Великобритании и других стран. Наивысшего расцвета достигло на Западе в 1970-е гг.

6

La Vie de Bohème (фр.) – богемный образ жизни.

7

You've got to accentuate the positive, eliminate the negative, latch on to the affirmative, don't mess with Mr In-Between – популярная песня композитора Гарольда Арлена на стихи Джонни Мерсера, впервые исполненная в 1944 г.

8

«Движение чаепития» (Tea Party movement) – консервативно-либертарианское политическое движение в США, возникшее в 2009 г. как серия протестов, скоординированных на местном и национальном уровне и вызванных в том числе актом 2008 г. о чрезвычайной экономической стабилизации и рядом реформ в области медицинского страхования.

9

Ричард Йейтс. «Пасхальный парад». Перевод Сергея Таска. Издательство: «Азбука-классика», 2009 г. Гл. 3.

10

«Солнечный пояс» – штаты Юга и Юго-Запада, которые отличаются теплым климатом, быстрым ростом экономики и населения за последние три десятилетия и зачастую политическим консерватизмом.

11

Джорджия О'Киф (1887–1986) – художница, одна из наиболее известных представительниц современной живописи США. Автор абстрактных произведений, символика которых навеяна миром природы, в частности пустынями штата Нью-Мексико, где она жила с 1949 г.

12

Городом Света называют Париж, так как прежде он считался центром просвещения, искусства, философии.

13

Колония Массачусетского залива (Massachusetts Bay Colony) – английское поселение в Северной Америке. Основано в 1629–1630 гг. в междуречье рек Мерримака и Чарльза большой группой пуритан (около тысячи человек).

14

Гестер Прин – главная героиня романа «Алая буква» Н. Готорна.

Купить: <https://telnovel.me/duglas-kennedi/pyat-dney-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)